

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ПЕРВЫЙ ИЗ МОГИКАН

Мир матриархата

Александр Громов

Первый из могикан

«ЭКСМО»

2004

Громов А. Н.

Первый из могикан / А. Н. Громов — «Эксмо», 2004 — (Мир матриархата)

Матриархат будущего. Мир амазонок XVIII столетия: мужчины порабощены, нет ни войн, ни кризисов. Человечество изжило опасность самоуничтожения. Что может ему угрожать? Опасность приходит из космоса. Земля, летящая вместе с Солнцем к созвездию Геркулеса, вторгается в область пространства, контролируемую другой цивилизацией. Невольные «агрессоры» подлежат тотальному уничтожению. Лишь один-единственный мужчина способен спасти цивилизацию. Но кто даст ему воспользоваться плодами победы? Победитель не нужен уже никому – и ему снова готовят участь раба!

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	14
3	18
4	23
5	33
6	42
7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Громов

Первый из могикан

Часть первая

Приговоренные

1

Ее место в общем зачете было третьим. Девятьсот семьдесят очков против девятист девяноста двух у Авдотьи Верхогляд и тысячи тринадцати у победительницы прошлогодних состязаний Марты Шлейхер. Очень большой разрыв перед последним упражнением. Шансов догнать соперниц у Ольги Вострецовой было немного.

Зато шансов скатиться с призового места на четвертое, пятое и так далее было хоть отбавляй. Вслед за Ольгой шла плотная группа. Семнадцать спортсменок набрали свыше девятист очков, шесть из них – более девятист пятидесяти.

«Не рискуй», – шепнула Ольге ее тренер. Ольга кивнула. Она знала: соперницы будут рисковать и... нет, тут не могло быть никакого заведомого «и просчитаются». Как ляжет случай, так и будет. Последнее упражнение тем и интересно публике, что отдает на волю случая больше, чем другие. Для кого-то из участниц – шанс, для кого-то – крушение надежд, для зрителей – азарт.

И вот на тебе – «не рискуй»! Для мытищинского отряда полиции, не отличавшегося прежде никакими спортивными достижениями, третье место дебютантки – потрясающий успех. Даже попадание в первую шестерку – это уже очень много. Тренера можно было понять.

А ведь именно советы тренера уже спихнули Ольгу со второго места на третье!

Кивок – услышала, мол. Приняла к сведению. Если тренер решит, что приняла также и к исполнению, то это личное дело тренера. Кивок ни к чему особому не обязывает.

Сказать по правде, совет тренера как нельзя лучше подталкивал к обратному – рискнуть.

Шел десятый и последний день региональных соревнований по военно-прикладному десятиборью. Первая пятидневка – полоса препятствий и сразу же огневой рубеж с тридцатью зачетными секундами на поражение мишеней, плавание, парашютные прыжки, автокросс, бой с «куклой». Все эти упражнения не требовали телепортации. Более того, замеченный судьями уход – пусть произвольный и все равно ничего не решающий – в Вязкий мир карался немедленным снятием с состязаний.

Затем началась «Вязкая пятидневка».

День первый – состязания на точность телепортирования. День второй – на дальность. Этот день был омрачен гибелью одной из участниц. Елизавета Чан ушла со старта и исчезла, как многие до нее, но прозвучал только один хлопок воздуха. Второго – при выходе из Вязкого мира – не было.

Вначале Ольга ничего не поняла. Она лишь в теории знала, как это бывает: одиночный хлопок вместо сдвоенного – и нет человека. И никогда больше не будет. Он исчезает навсегда. Никто не расскажет, какую ошибку допустила участница, об этом можно только догадываться.

В первую секунду зрители на трибунах тоже ничего не поняли. Во вторую – пришло осознание трагедии. В третью – весь стадион ахнул в едином порыве.

Хуже всего в голове человека укладывается непоправимость случившегося. Из Вязкого мира еще не удавалось вытащить никого и никогда. Полбеда, если бы проблема заключалась

лишь в принципиальной ограниченности сопутствующей пороговой массы, ибо в крайнем случае можно было бы послать на выручку группу спасателей и распределить груз найденного тела между ними – авось сумели бы выйти в реальный мир слитным усилием воли. Настоящая беда в том, что никаких находок в Вязком мире не бывает – он гомогенен, в нем чисто условны понятия верха, низа и опоры, в нем начисто отсутствуют инородные тела и никогда не происходят встречи ни с кем и ни с чем, кроме клейкого лилового коллоида, да и гуртом в него проникнуть нельзя. Но если бы даже не существовало этих неразрешимых трудностей, спасателям все равно не нашлось бы работы, потому что само время в Вязком мире течет иначе – за одну земную секунду там пролетают годы, если не века. Поздно оказывать помощь, нечего и пытаться. Мечты остаются мечтами и ни к чему не ведут. Погребенные под пеплом жители Помпеи намного ближе и «живее» тех, кто навсегда ушел в Вязкий мир.

Сколь легкой и изящной выглядит телепортация со стороны! Второй хлопок воздуха догоняет первый – и вот уже спортсменка перенеслась на десятки метров. Один миг. Но почему с нее градом льет пот, почему она глотает воздух, как умирающая на песке рыба, рискуя разорвать легкие, и никак не может надышаться всласть? Да потому что одна Первоматерь знает, сколько времени спортсменка воевала с Вязким миром, протискиваясь сквозь коллоид! Сколько трудов, мук, упорства и отчаяния уложились в этот ничтожный миг!

Когда после первого, резкого как выстрел, хлопка воздуха трибуны перевели взгляд со стартового помоста на расчерченный меловыми дугами сектор, где должна была возникнуть Елизавета Чан и откуда должен был донестись второй хлопок, помягче, спортсменка была уже заведомо отравлена насмерть ядовитыми компонентами лилового клейстера либо скончалась от асфиксии, если владела редким умением подавлять инстинкт вдоха. Когда трибуны ахнули, когда зрители вскочили с мест, в Вязком мире уже давным-давно исчезло само тело несчастной, разъеденное миазмами едкого желе, а может быть, навсегда сгинул и сам Вязкий мир Елизаветы Чан. Недаром говорят: «Свой Вязкий мир каждая носит с собой».

«Если перед тобой ровное пространство, то, телепортируя прямо, всегда забирай немного вверх, но, гляди, не перестарайся» – это правило Ольга усвоила с малолетства. Однажды на школьном зачете перестаралась – вынырнула чуть ли не под потолком гимнастического зала и с криком упала с высоты. Кость срослась успешно, а директриса получила сверху втык – почему не была натянута страховочная сетка? Ах, она была натянута как положено, но эта соплинка умудрилась свалиться за сеткой, потому что телепортировала на немыслимое для ее возраста расстояние? Сколько-сколько – метров на сорок? Для тринадцати лет результат и в самом деле недурен, но пора бы вам знать – для человека немыслимого вообще не существует, а для нашей молодой смены тем более. Почему вы о смене столь низкого мнения? Чем вы лучше этой будущей чемпионки? Получите строгий выговор и задумайтесь о своей профессиональной пригодности...

Навигация в Вязком мире – искусство, вырабатываемое годами упражнений. Лишь высококлассная профессионалка рискнет телепортировать в подземном туннеле, но не сделает это без острой необходимости и постарается ограничиться небольшим расстоянием. Цена навигационной ошибки – невыход из Вязкого мира. Человеческое тело, вдруг возникающее «из ничего», в состоянии раздвинуть молекулы воздуха, но не грунт. И не воду. Возникают проблемы с воздухом, наполненным пылью, дождевыми каплями, летающими насекомыми или июньским тополиным пухом.

Слава Первоматери, большинству людей годами не приходится телепортировать, разве что на добровольных бесплатных курсах под руководством опытных инструкторов-профессионалов. Зато в снаряжение постовых и патрульных полицейских, не говоря уже о спецназовках, обычно входит портативный дыхательный аппарат той или иной модели, «скользящий» костюм, а нередко еще силиконовые кремы для кожи и контактные линзы либо специальные очки для защиты глазных яблок. Если выход из Вязкого мира не удался с первой попытки – для

паники еще нет оснований. Переместись в сторону и повтори попытку без страха захлебнуться в киселе. Время есть, пока есть силы задерживать дыхание. Но, конечно, не на состязаниях...

Как раз перед Елизаветой Чан судьи сняли с соревнований участницу из дорожной полиции Юго-Запада – в ноздре нечестной спортсменки был обнаружен крошечный дыхательный аппарат...

Вне всяких сомнений, Чан, неоднократная призерка прошлых лет, не пользовалась жульническими приемами. Оставалось только гадать, что произошло с ней в Вязком мире. Слепая навигация иногда играет с людьми в жестокие игры. Чем протяженнее дистанция телепортации, тем больше усугубляется крошечная вначале ошибка. Хуже всего то, что нога находит опору именно там, где, по представлению телепортирующей, опора должна быть. Необходимое качество, вырабатываемое долгими тренировками, – строгая симметричная тождественность шага левой ногой и шага правой. И все равно случается, что телепортирующая не просто забердает глубоко под землю, но и нечувствительным образом переворачивается вниз головой.

Вероятно, так и произошло с Елизаветой Чан. Почти наверняка у нее оставался запас воздуха и сил на ОДНУ повторную попытку. А когда она поняла, что коррекция точки выхода завела ее еще глубже под землю, исправлять ошибку было уже поздно.

Тридцать тысяч зрительниц стояли, пока лились торжественно-печальные звуки гимна «Плата за свободу», написанного более полутора веков назад по случаю одной из первых подобных трагедий. Многие плакали. Трагедию можно было понять, но с нею нельзя было смириться. И до конца дня оставались приспущенными флаги. Но состязания возобновились уже через десять минут.

Во время «Вязкой пятидневки» жеребьевки не бывает – участницы выходят на стартовый помост в соответствии со своим местом в общем зачете, от последнего к первому. Зацепившись за первую десятку в общих дисциплинах и отыграв два места в состязаниях на точность выхода, Ольга была восьмой. Марта Шлейхер, Авдотья Верхогляд и еще пять именитых спортсменок должны были выступить после нее.

Хотя результаты, показанные до несчастья с Чан, нельзя было назвать высокими, после стало еще хуже. Спортсменки нервничали. Оживившиеся трибуны откровенно издевались над результатами в пятьдесят пять – шестьдесят метров. Свистели. Хохотали до упаду над перестраховщицами, хромающими и потирающими ушибы после выхода из Вязкого мира на высоте в пять и более метров.

Задыхаясь, Ольга свалилась на газон. Она не слышала бури аплодисментов и все ловила, ловила ртом воздух, такой живительный и такой разреженный. Она не могла надышаться, ей казалось, что ее занесло в стратосферу...

Соперницы боялись рисковать – а она рискнула выложиться до конца, не оставив в себе никаких резервов для повторной попытки выхода. Решимость, расчет и толика везения.

Восемьдесят один метр шестьдесят сантиметров. Рекорд дня. И личный рекорд Ольги Вострецовой.

Тогда она поднялась сразу на второе место, обогнав Авдотью Верхогляд, и сохранила его на третий день в состязаниях с двадцатикилограммовым грузом. Следующий день снова отбросил ее на третье место.

Упражнение «дорожка» в шутку называлось иначе – «гоплитодром». Как в Древней Греции. Кто помнил о том, что женщин, опрометчиво появившихся на стадионе в Олимпии, самцы-греки имели хамское обыкновение сбрасывать со скалы! Остались слово и суть. Полное – за исключением «дыхалки» – снаряжение и полное вооружение. Прямая двухсотметровка. Задача: прибыть из пункта А в пункт Б за минимальное время. Как – неважно. Хоть пробеги всю дистанцию по тартану, ни разу не нырнув в Вязкий мир (и займи последнее место), – имеешь на то полное право.

По настоянию тренера Ольга выбрала спокойную тактику: серия телепортаций на небольшое, в пределах двадцати метров, расстояние и два-три глубоких вдоха на бегу в промежутках между нырками в Вязкий мир. Она даже не очень запыхалась.

Соперницам везло. Мощная Авдотья Верхогляд проскочила дистанцию всего-навсего за четыре нырка, обойдя Ольгу более чем на две секунды и вырвавшись вперед по сумме очков. Марта Шлейхер по-прежнему держалась впереди. Приотставшие соперницы приблизились к Ольге вплотную.

Шаткое третье место. И вот теперь – снова «не рискуй»!

Последнее упражнение называлось «скакалка» и не имело ничего общего с одноименной детской забавой. Площадка – пятьдесят на пятьдесят метров. Десять помостов – цилиндров полутораметрового диаметра высотой от «по колено» до удвоенного человеческого роста, – на первый взгляд разбросанных по площадке без всякой системы, а на деле так, чтобы ни один из них не попал в непросматриваемую зону при взгляде с любого помоста. В зачет идет время, а ты знай выполняй прыг-скоки с помоста на помост. Промах или падение наказываются пятисекундным штрафом, а это очень много. Два промаха – незачет всего упражнения. Все очень просто.

Но направление следующей телепортации выбирает не спортсменка, а компьютер, генерирующий случайные числа. Целься на освещенный помост, игнорируя темные, вот и все. Это состязание не на тактическое мышление и уж подавно не на стратегическое, а лишь на точность телепортации, помноженную на скорость оценки обстановки... ну и выносливость тоже играет далеко не последнюю роль.

Стартовая тумба. Десять помостов, десять экскурсий в Вязкий мир. Длина дистанции определяется везением или невезением, задаваемым выброшенной комбинацией случайных чисел. Не проходило года, чтобы спортивные журналистки не принимались верещать по поводу неравных условий для соревнующихся, а наиболее ехидные обозревательницы советовали вообще не мучить спортсменок, а определять расклад мест жребием. Более взвешенные голоса звучали так: «Почему бы не изменить правила, позволив каждой участнице состязаний самостоятельно выбирать линию движения?»

Иногда Федерация снисходила до ответа, каждый раз напоминая о том, что десятиборье – спорт все-таки военно-прикладной. Как таковой, он не должен чересчур отрываться от жизни. В реальной боевой операции направление и дальность телепортационного прыжка определяются отнюдь не произвольным выбором, а конкретной обстановкой или же приказом командира. В ответ звучали злобные слова о «спорте безмозглых кенгуру» – хотя ровно с тем же основанием можно было обвинить толкательниц ядра в неудержимом стремлении сравняться с осадными мортирами как по мощи, так и по интеллекту.

Но даже самые ядовитые языки не могли отрицать того факта, что «лесенка» – самое зрелищное упражнение всей «Вязкой пятинедельки». Это был единственный день, когда выручка от продажи билетов (даже при их символической цене) с лихвой покрывала затраты. Государственные финансовые органы, определяющие размер дотаций стадионам, всегда учитывали это обстоятельство.

Девяносто тысяч зрителей непосредственно на трибунах. И не менее двух-трех миллионов у экранов домашних кинотеатров. А ведь соревнования всего лишь региональные, куда им до мировых чемпионатов!

Ольга оставалась в раздевалке почти до самого своего выхода. Она не желала знать, как выступят те из соперниц, кто может претендовать на призовые места. Послала подальше штатного психолога. Если бы было возможно – заткнула бы уши ватой. В раздевалку возвращались подруги по команде, расстроенные и не очень, обсуждающие свои двузначные места. Ольга забилась в самый угол, демонстративно отвернувшись к стене. Хвала Первоматери, к ней не цеплялись – как видно, от тренера поступило соответствующее ценное указание. Воистину цен-

ное. Ныла грудь – чересчур давил плотно облегающий «скользящий» костюм. Сверху, с трибун, сквозь толщи бетонных перекрытий доносился слитный гул, иногда в нем можно было различить свист, аплодисменты, реже – восторженный вой. Значит, кто-то прошел дистанцию совсем неплохо. Трижды или четырежды доносился сатанинский хохот – зрительницы издевались над перестраховщицами и неудачницами. Глупые коровы! Не перестраховщицы – зрительницы. Сами бы попробовали! Нет, им, видите ли, этого вовсе не надо, им претит скакать с тумбы на тумбу, как цирковым зверушкам, и вообще им хватает школьного курса телепортации. У них, видите ли, иные жизненные приоритеты. На самом деле почти все они до поросычьего визга боятся Вязкого мира. Интересно знать, где были бы их драгоценные приоритеты, если бы некоторые люди не совершенствовались в том, что только и спасает людей от тупой злобы эксменов?

Помощница тренера, просунув в дверь раздевалки маленькую птичью голову и тяжелый бюст, закричала визгливо:

– Вострецова, живо на выход! Тренер давно икру мечет. Живее, живее!..

Пора. Гул стадиона надвинулся, оглушил, смешался с шумом в голове. Сейчас же выяснилось, что еще не начала выступление седьмая по сумме очков спортсменка. Теперь уж волей-неволей Ольга видела ход соревнований. Зачем ее вытащили сюда – чтобы нервничать?

– Ба-бах! – Сдвоенный хлопок. Спортсменка пошла по дистанции. Секундная пауза и снова: – Ба-бах!.. Ба-бах!..

Неплохо, отметила Ольга. Можно пройти лучше, но с тем же успехом можно слететь с дистанции. Как повезет... А ведь везет мерзавке! Траектория близка к оптимальной, наибольший прыжок всего метров на тридцать... Ну что она делает! Перед восьмым прыжком потеряла секунду, не меньше... Дыхалка, что ли, слабая? Не похоже... Значит, соображалка не на уровне, медлительная. Остались два простых прыжка, ну и сигай! Скочи сумасшедшей блохой.

Доскакала. Аплодисменты трибун – так себе, бывают и погромче. Ольга скосила глаза на табло, где уже зажглись секунды и подсчитывались очки. Якобы компьютеру на это требовалось время. Угу. Полмгновения. Как будто нельзя сразу вывести секунды, очки и текущее место! Ну уж нет, надо поинтриговать со зрительской массой, заставить ее поволноваться...

Снова аплодисменты – более чем сдержанные. Спортсменка потеряла одно место.

– Вострецова, где тебя носит? – Пронзительный фальцет Людмилы Васильевны, «тети Люды», штатного инструктора отряда и тренера команды, неприятно резанул уши.

Ольга лишь сдержанно кивнула – здесь я, мол. Зачем понадобилась? Для дополнительной накачки?

Оказалось наоборот. «Не рискуй» – вот и все напутствие, прозвучавшее после выговора. Очень своевременно: следующая спортсменка, идущая по дистанции очень бойко, промахнулась мимо очередного помоста и с криком отчаяния упала на тройной слой подстеленных матов. Вылет из шестерки гарантирован, вероятен и вылет из десятки – если пять оставшихся участниц не наделают грубых ошибок.

Следующая спортсменка прошла хорошо. Ольга встала, сняла махровый цветастый халат, оставшись в серебристом «скользящем» костюме, похожем на трико конькобежек. Пора. И шла бы тетя Люда к Первоматери со своей опекой, с напутственными словами и похлопываниями по плечу! Только нервы зря издергала. На дистанции надо сражаться с Вязким миром и слабостью собственного тела, больше ни с чем. Сумела сделать больше, чем могла прежде, – победа. Своя, личная, настоящая. При чем тут соперницы? Какая разница, кто из них как выступил? Разве можно опьяняться победой над сплеховавшей соперницей, если объективно она сильнее? Похмелье будет жестоким.

По окружающей поле беговой дорожке Ольга неспешно шла к стартовой тумбе. На несколько секунд поймавший ее объектив телекамеры отразил уменьшенное и искаженное кривизной линзы подобие заурядной десятиборки – средний рост, заметные выпуклости

мышц, сильные ноги и в общем фигура довольно пропорциональная, если не считать излишне развитой грудной клетки, впрочем, менее развитой, чем у пловчих. «Ба-бах! Ба-бах!» – стартовала следующая участница. Резкие хлопки воздуха отскакивали эхом от стен и перекрытий, под сводами стадиона грохот катался, как раскаты грома при сильнейшей грозе. Как камни в гигантской погремущке.

Гром стих, вызвав одобрителный рев стадиона. Вероятно, выступление было успешным. Овации, однако, нет – надо думать, спортсменке повезло с дистанцией, так что хороший результат закономерен.

Объявление очередной участницы – и целая минута относительной тишины. Эта минута дается спортсменке на то, чтобы собраться с духом, еще раз освежить в памяти расположение помостов и провентилировать легкие, насытив кровь кислородом. Хотя, конечно, никто не мешает заняться этим загодя. Ольга дышала глубоко и ровно, не переступая грани легкого головокружения. Некоторые из начинающих по отсутствию опыта умудряются «задышать» себя до обморока.

Стартовая тумба – обыкновенная подставка из крашеной фанеры, лишенная даже датчиков, реагирующих на вес. Помосты, как промежуточные, так и финишный (какой из них будет финишным?) – иное дело. Тут все контролируется электроникой. По истечении минуты включается подсветка какого-либо из помостов, выбранных генератором случайных чисел для первого прыжка, и сразу же начинается отсчет времени. Фальстартов не бывает.

Зуммер старта. Бах-бабах! – первый сдвоенный хлопок всегда кажется громче, чем есть на самом деле, и воспринимается почти болезненно... И сразу – слитный выдох разочарования трибун.

Не повернув головы, Ольга скосила глаза в сторону площадки. Так и есть: спортсменка промахнулась на первом же прыжке. Редко, но бывает. Теперь бы ей собраться, забыть о неудаче, телепортировать с матов на помост, затем на другой, третий, скользить в Вязком мире, как скользят рыбы в черных глубинах океанских впадин... Так... попала. И снова попала. Нет, она не скользит, по ее лицу видно, что она в досаде яростно продирается сквозь Вязкий мир, как медведь сквозь бурелом, а значит... ну так и есть – еще один промах, еще падение, еще пять штрафных секунд, слезы обиды на финише на оба мира – Вязкий и обыкновенный...

Да, с точки зрения интересов третьеразрядной команды, тетя Люда, наверное, права. «Не рискуй» – и мытищинский отряд займет в командном зачете не последнее место, вероятно, даже не предпоследнее...

Квакнул зуммер – пошла законная минута подготовки. Под сдержанные аплодисменты трибун Ольга взойшла по ступеням на стартовую тумбу.

Наверное, именитой Авдотье Верхогляд будут аплодировать сильнее, не говоря уже о Марте Шлейхер. А впрочем, какая разница! Все равно на стартовой тумбе не слышно ничего, кроме зуммера и звуков собственного дыхания, и не видно ничего, кроме площадки с помостами. Их взаимное расположение изучено заранее, но не мешает взглянуть еще разок. Ближайший помост совсем рядом, метрах в семи. Самый удаленный – в дальнем правом углу, до него метров сорок восемь – сорок девять. Далековато. Вот будет номер, если он осветится первым! А тот, что ближе всего, – вторым! Тьфу-тьфу-тьфу, не надо бы такого экстрима...

Теперь Ольга дышала, не боясь головокружения. Оно пройдет после первой же телепортации, даже если дистанция окажется короткой. Вдох – животом, не грудью, вопреки естественной физиологии дыхания; диафрагма полностью расправляется, свежий воздух проникает в самые дальние закоулки легких, обычно вынужденные довольствоваться спертый коктейлем из углекислоты и прочей дряни; и только после этого можно позволить воздуху наполнить грудь до отказа. Перед стартом организм должен бунтовать, жалуясь на избыток кислорода в тканях. И все равно любая спортсменка приходит к финишу в не очень-то эстетичном виде задышащейся на берегу рыбы. Даже если навязанная ей траектория окажется близка к оптимальной.

Какая траектория тут оптимальна?.. А, что толку об этом думать! Разве есть выбор? Для начала вполне достаточно еще раз оценить расстояние до каждого из десяти помостов и высоту последних.

Этому учат с детства. Воткнут флажок на газоне школьной спортплощадки – сколько метров до флажка? Какова высота вон того дерева? Восемь метров? Десять? Семь шестьдесят. Проверим?.. Кто спрятал мерный шест?!

Для развития глазомера придумано множество упражнений, не связанных с телепортацией. Бросание камешков в цель, тактические групповые игры, ходьба вслепую, обязательные тренировки в незнакомых ландшафтах... Высший балл получить трудно, на него могут рассчитывать только те девчонки, кто крайне редко ошибается в оценке расстояний и высот более, чем на пять процентов.

Большинство не справляется. Но большинство и не служит впоследствии в полиции, армии и специальных подразделениях. Прогулки в Вязком мире – удовольствие маленькое, фанатки редки и подозреваются обывателями в извращенных наклонностях. Большинство людей вообще не телепортирует, разве только для собственного спасения, если нет иного выхода – скажем, из-под бампера мчащейся машины. И, уж подавно, большинство не участвует в спортивных состязаниях по телепортации.

Писк предупреждающего сигнала – пять секунд до старта. Четыре. Три. Две. Одна...

Зуммер!

Хвала Первоматери, осветился не самый дальний помост, но, увы, и далеко не самый ближний. Крайний левый, у самой границы площадки. Направление, расстояние, высота...

Пошла!

Не пользуясь контактными линзами, Ольга всегда закрывала глаза в Вязком мире – лиловая мгла просто-напросто действовала на нервы. Не будь эта субстанция раздражающе клейкой, как кисель, и тягуче неподатливой, можно было бы подивиться возникающим иногда переживаниям оттенков – сиреневых, коричневых, фиолетовых... Или будь Вязкий мир хоть капельку осмысленным – такому врагу надо было бы обязательно смотреть в лицо. Но лиловый клейстер не враг, он лишь препятствие. Ни с кем не борясь, никого не замечая, он существует сам по себе, как вода для пловчихи и снег для лыжницы.

Корпус сильно наклонен вперед, нога находит опору там, где указывает чутье, «скользящий» костюм скользит, руки совершают плавательные движения. Похоже на ходьбу по резиновой дорожке на дне бассейна – изнурительные упражнения со свинцовым поясом. Однажды заел замок и чуть не захлебнулась... Нет, в бассейне труднее, потому что гадостный этот коллоид все-таки менее плотен, чем вода...

Определять расстояние в метрах учат малолетних сопликов – позже у тех, кому есть смысл совершенствоваться далее, развивается истинное чутье оцененного и пройденного расстояния; где угодно – на воздухе, в воде, в Вязком мире. Мозг мгновенно переключается с одной «шкалы» вязкости среды на другую. Точное знание – «до помоста тридцать четыре метра по горизонтали и метр вверх» – ничем не могло помочь Ольге и болталось в сознании бесполезным рудиментом. Значение имело только чутье, звоночек в голове: «Динь-дон, пора!»

Она попала почти «в яблочко» и не потеряла равновесия, внезапно свалившись близ центра помоста с метровой высоты – совсем не чрезмерный запас по вертикали на такой дистанции прыжка. Мышцы спружинили сами. Сработали датчики, осветился следующий помост – крайний правый! Как назло. Почти пятьдесят метров. Черт, черт!..

Два выдоха-вдоха – и нырок.

То-то, что два вдоха, а не один. Одного не хватит. Число возможных траекторий определяется полным количеством перестановок десяти цифр – это десять факториал, более трех с половиной миллионов комбинаций. Теоретически они равноценны. Если бы удалось создать телепортирующего робота, идеально ориентирующегося в Вязком мире, и заставить его пройти

по всем траекториям, разница между лучшим и худшим временем прохождения исчислялась бы неуловимыми микросекундами. Беда в том, что такого робота можно выдумать и нельзя создать. Человеку же приходится куда труднее: он медленнее оценивает ситуацию, теряет время на вентиляцию легких перед дальним прыжком, его возможности по части слепой навигации сильно ограничены, а навигационные ошибки растут с увеличением расстояния квадратично, если не кубично...

А нарастающая гипоксия? А усталость? А багровые круги, что неизбежно начинают маячить перед глазами никак не позднее восьмого прыжка, а иногда уже после первого?

Потому-то «скакалка» – по сути гибрид спортивного состязания и лотереи – самое зрелищное упражнение десятиборья. Публика любит следить за тем, как случай играет с людьми, особенно если он играет в жестокие игры. Не далее как в прошлом году произошел печальный казус: спортсменка, напрочь потерявшая ориентировку, вынырнула под самым потолком крытого стадиона и разбилась насмерть, как видно, лишившись сознания сразу после выхода из Вязкого мира...

Задышавшись, Ольга приземлилась на самый край помоста одной ногой, вторая повисла в воздухе. Ольга изогнулась, взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие на краю, – и в падении с помоста вновь ушла в Вязкий мир. Наверное, датчик сработал, раз ей показалось, что осветился следующий помост – и самый ближний!

Показалось или вправду так было? Она не могла бы сказать наверняка, ее почти не занимал этот вопрос. Наитие, чутье – как ни назови это качество, оно все равно не поддается анализу. И не надо. Чем меньше думаешь во время прохождения дистанции, тем лучше. При гипоксии головному мозгу лучше поскучать без дела – меньше расход кислорода. С подавляющим большинством текущих неприятностей справятся и рефлекс, тело прекрасно помнит, как ему поступить. Мышцы бегущей антилопы знают, когда выгодно резко изменить направление бега, лапам гепарда известно, когда и как надо провести подсечку. Даже косная человеческая плоть, избалованная и развращенная нескончаемыми приказами из-под черепной коробки, все еще годится кое на что и без приказов.

Прыжок вышел удачным. Два выдоха-вдоха – два, не меньше, с одновременным поиском новой освещенной цели. Если чутье обмануло и спортсменка телепортировалась не на тот помост, все помосты останутся темными. Это значит – незачет упражнения, ноль очков. Лучше уж промахнуться и упасть на маты, что означает потерю времени на исправление ошибки плюс штрафные секунды, но правила хотя бы позволяют продолжить выступление...

Хвала Первоматери – осветилась новая цель, правда, не самая удобная, но... осветилась!

Дальше пошло проще. Программа, генерирующая случайную числовую последовательность, как будто спохватилась и принялась извиняться за пакости. Самым длинным вышел восьмой прыжок – за двадцать пять метров. Девятый оказался самым коротким, зато с максимальным перепадом по высоте. Десятый! Уф-ф!..

Лишь через несколько секунд сознание вернулось к ней настолько, чтобы понять – стадион бешено аплодирует. Ольга вымученно улыбнулась наглому зеву ближайшего телеобъектива. Помахала трибунам поднятой рукой. Очень не хотелось снова телепортироваться, но Ольга все же заставила себя пройти Вязким миром за ближайшую границу площадки и мягко спрыгнула на тартановую дорожку. Вот так! Смотрите, я не выжата досуха вам на забаву, я еще кое-что могу!

Очень мало, если по-честному. Никто не осудит спортсменку, если она уйдет с последнего помоста традиционным, доступным даже эксменам способом. Нередко – не без посторонней помощи, а то и на носилках. Десять телепортаций подряд – это много даже для тренированных профессионалок, и одиннадцатая, добровольная, очень уж напоминает бравату.

Так оно и есть. Но пусть публика кушает то, что ей по вкусу.

Рев трибун заглушил аплодисменты. Ольга сделала по беговой дорожке шагов двадцать, прежде чем ей пришлось в голову взглянуть на табло. Так... второе время, с отставанием от первого всего лишь на четырнадцать сотых секунды. Неплохо. По сумме очков – пока первое место. Пока. Фаворитка на две минуты.

Камеры продолжали целиться в нее. Ольга стянула с головы облегающий капюшон – пусть любят не только потным лицом, но и всклокоченными волосами. Тот еще вид. На страх эксменам.

– Авдотья Верхогляд!

Ну наконец-то. Отстали. Аплодисменты – уже по другому адресу, и объективы нацелены на стартовую тумбу. Как-то повезет претендентке на серебро? Впрочем, вероятно, у Авдотьи есть надежды и на золото...

Незначительные. Марта Шлейхер – человек без нервов, машина. Живой прототип того самого робота для нырков в Вязкий мир.

Хорошо дышит Авдотья. Говорят, объем легких у нее – больше двенадцати литров. Легко в это поверить, глядя на широченную, как бочка, грудную клетку. Конечно, при таком торсе приходится говорить не об изящном скольжении в лиловом киселе, а о грубом продирании сквозь него, но ставка на силу и мощь имеет свой резон. Марта Шлейхер тоже отнюдь не миниатюрна...

Зуммер!

Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах!..

На седьмом помосте Авдотья задержалась недопустимо долго. Пошатнулась. Что такое? Вдохнула Вязкого мира? С ее-то опытом? Быть не может!

Восьмой помост – успешно. Девятый – промах! Вздых разочарования.

Неожиданно для себя Ольга почувствовала, что болеет за соперницу. Как будто промакнулась сама... почти та же досада. Не радость. Неужели у нее совсем нет спортивного характера? Где тщеславное желание обойти конкуренток, где элементарное самолюбие, наконец?

Нет, лучше уж совсем не смотреть на площадку...

А на табло? Когда высветились цифры, Ольга поняла, что обошла Авдотью. Почему-то это не принесло ни малейшей радости.

Марта Шлейхер выступила ровно, найдя компромисс между риском и осторожностью. Ни одного промаха. Ни одного опасного приземления на край помоста. Всего лишь пятое место по результатам дня и по-прежнему первое в общем зачете десятиборья. Золото.

Тетя Люда обнимала Ольгу. Серебро! И какое! Два, всего лишь два очка отставания от именитейшей чемпионки! Удача, какая и не снилась!

Краткий медосмотр (пульс, давление, реакция зрачков) констатировал полный порядок. Как в тумане прошло награждение. И все кончилось. Трибуны зашевелились, потоки мелких, как муравьи, людей потекли к горловинам выходов. Медицина давно увезла двух спортсменов, ненароком вдохнувших Вязкого мира. Отравление легкое, полежат под капельницей и будут жить.

Тетя Люда, очнувшись от первой эйфории, сменила милость на гнев и все-таки изругала сначала Ольгу в пух и прах, потом махнула рукой – «Победителей не судят» – и расцеловала. – «Свободна до послезавтра!»

Естественно. В душ – и домой, отдыхать. После десятидневных состязаний положен выходной, так издавна заведено.

Если, конечно, на участке не случится какого-нибудь ЧП...

2

С полноценными выходными последнее время было туго. Недавно Мытищинский отряд перешел на усиленный вариант несения службы, а поговаривали уже о чрезвычайном положении. Отпуска были отменены. За упущения по службе начальство в лице Сциллы Харибдовны карало беспощадно. И выделить команду на региональные соревнования согласилось лишь под давлением «сверху» и со скрежетом зубовным.

Только глупая или слепая могла не ощущать: что-то носилось в воздухе. За какие-то полгода число правонарушений в районе утроилось, причем не только в специфически эксменской среде, но и в самой что ни на есть человеческой! Корыстная преступность увеличилась незначительно, зато немотивированная угрожающе росла. По слухам – повсеместно.

Эксмены и вовсе походили с ума. Один на людной улице вдруг начал кричать, что все, мол, скоро содохнем, и чистые, и нечистые. При проверке выяснилось, что прежде он отличался исключительно благонравным поведением, мирно трудился почтальоном-разносчиком, имел поощрения и ни разу не был замечен ни контактах с подрывными элементами, ни в бытовом хулиганстве.

Другой, столь же добропорядочный эксмен, внезапно впад в буйство, совершил нападение на магазин изысканных вин, оскорбил действием оторопевшую до остолбенения продавщицу и в течение каких-нибудь пяти минут до прибытия патруля успел налакаться, как грязный свин. Третий среди бела дня дерзнул начертать омерзительные слова на памятнике Анастасии Шмалько. Заметив полицию, негодай отнюдь не пустился в бессмысленное бегство, а быстро-быстро, как обезьяна, вскарабкался на фонарный столб. Акробат какой. И оттуда, с самого верха, выкрикивал непристойности и лозунги возмутительного содержания, к соблазну всех эксменов, оказавшихся в радиусе слышимости.

Пришлось снять его пулей. Не смертельной, пластиковой. А что эксмен упал и убился насмерть, то вольно же ему было лазать по столбам! А уж если настолько свербит, что невтерпез, то при срыве падай на ноги и не пачкай мозгами асфальт.

Неужели пакостник ждал, что полицейские начнут телепортировать к нему на столб, уподобившись макакам? А не много ли чести? Не удалось взять поганца живьем, ну и не больно-то хотелось. Впервой, что ли? Но на сей раз произошло совсем необычное: свидетели происшествия – бригада дорожных рабочих на укладке асфальта, мусорщики, посыльные, грузчики с близлежащего склада и прочая эксменская шваль, без которой, к сожалению, не обойтись, – выразили резкое и недвусмысленное неудовольствие действиями полиции, выразившееся, как было отмечено в протоколе, не только в бранных выкриках, но и в метании в полицию всевозможных подручных предметов. Полицейским пришлось изрядно поработать дубинками, прежде чем порядок был восстановлен, а виновные задержаны и доставлены в участок. Удивительно, но лишь немногие из них попытались бежать в суматохе.

Звери. Стая бешеных шакалов.

Кому придет в голову искать у эксмена разум! В лучшем случае можно найти лишь понятливость и послушание. Но инстинкт-то самосохранения должен быть, нет?

А если да, то куда он вдруг у них подевался? Взятый с поличным самогонщик дико хохотал в полицейском участке, по виду, совершенно не интересуясь своей дальнейшей судьбой, – и ведь был трезв! Вероятно, преступный эксмен спятил со страху, но сколько же было таких спятивших!

Заставили заговорить о себе эксменские банды. Они существовали всегда, но в прежние времена относительно быстро ликвидировались силами спецподразделений полиции. Теперь, по слухам, ими заинтересовался уже Департамент федеральной безопасности. Банда Ефрема

Молчалина. Банда «Черные саваны». Шепот о них был хуже их действий, а традиционные методы контрбандитизма почему-то буксовали, давая сбой за сбоем.

Впрочем, и люди зачастую вели себя не лучше. Если бы только умножились хулиганствующие банды юниц, было бы еще полбеды. Настораживало другое: как-то вдруг, без всякой видимой причины, словно из рога изобилия посыпались преступления, всегда причисляемые к категории особо постыдных. Суды едва успевали разбирать дела о мерзостном сожительстве с эксменами, зачастую со многими сразу. Вандализм еще вызывал возмущение, но перестал удивлять. Расплодились тайные притоны. Нравственность катилась под откос. Недавнее введение смертной казни для торговки наркотиками лишь незначительно улучшило ситуацию.

Ольга надеялась, что завтра ее оставят в покое. Конечно, куда вероятнее другое: вызовут и пошлют в патруль. Но пока не вызвали, можно было надеяться.

Она добралась домой в вагоне надземки. Удобнее было бы в автобусе – у команды имелся свой, – но там наверняка было бы чересчур шумно. И в эпицентре шума оказалась бы она сама – поздравления, шутки, хохот, завистливые подколки и все такое. Нет уж, да здравствует одиночество!

Ясно, что скажут о ней подруги по команде: «Повезло один раз – и уже задрала нос, знать нас не желает!» Ну и пусть. Не пройдет это, так выдумают другое, а доказывать что-то завистницам – себе дороже. Любимицу удачи всегда обсудят и, разумеется, осудят. С большим-большим удовольствием.

За окном полупустого вагона мелькали городские огни. Над мегаполисом вставало желтое зарево. Так надо. Да здравствует свет, и долой тьму! В темноте эксменам приходят в голову странные мысли, приводящие к страшным действиям. Недаром, несмотря на брюзжание экологов, еще не прошел ни один законопроект, направленный на экономию ночного освещения. Город борется с тьмой и всегда побеждает.

Никто не отвлекал, никто не мешал ни о чем не думать, а просто глядеть в окно. Ольга любила такие минуты. Жаль, что они быстро кончались.

Мелькали старые промышленные районы, с осени радикально перестраиваемые. В свете прожекторов работа не прекращалась и ночью. Похоже, перестройка заключалась в полном сносе заводских строений. Поговаривали уже о превращении бывшей промзоны в зону парковую. Парк – под надземкой?!

Бац! – вагонное стекло выдержало удар летящего камня и даже не покрылось сетью трещин, но кто-то из пассажиров испуганно ахнул. Ольга опять пожалела об отсутствии ваты, чтобы набить ею уши. Сейчас должен был начаться гул народного возмущения – от крикливых замечаний насчет того, что эксмены окончательно распустились, до соображений о том, кто во всем этом виноват. Ясное дело, полиция виновата! Кто же еще? Никто не примет во внимание очевидный факт: эстакада грохочущей и воющей надземки проложена в основном по промышленным районам и «спальным» эксменским – не по человеческим же! Люди имеют право на отдых, а из двух зол надо выбирать какое? Угадайте с двух раз.

Да, эксмены шалят. Злобствуют. Повредить путь они не могут – опоры эстакады защищены проволокой под током, – вот и швыряют булыжники. Глупые попадают, а умные выбирают места, пока еще не оборудованные телекамерами. Хотя, конечно, умный вредитель-эксмен вообще не станет тратить силы на камнеметание, рискуя при этом собственной шкурой.

А что может полиция – уставить полицейскими все обочины в полосе отчуждения, превратить патрулирование в постоянную сторожевую службу? Наверняка крикливым клушам именно этого и хочется. Они не способны даже сообразить, во сколько раз вырастет при этом цена билета, не говоря уже о штатах полиции. Что-то немного среди них находится желающих поступить в полицейскую школу. Какой в этом резон, если у полиции тьма обязанностей при минимуме рычагов влияния? Разве может полиция повысить курс эксменских «полосатень-

ких» денег, которые ныне совсем обесценились? Ну и какого же сознательного послушания можно ждать от эксменов, если оно держится не на выгоде, а лишь на страхе?..

Ольга была рада, что сейчас на ней нет формы с сержантскими петлицами. От полицейского сержанта – плевать, что он не на службе, – потребовали бы немедленных действий. Каких, хотелось бы знать? Конечно, запрет на телепортацию в вагонах общественного транспорта не распространяется на полицию, но попробуй телепортировать наружу на полной скорости – костей ведь не соберешь. Задействовать стоп-кран? А смысл? Сорвать график движения, да пока еще поезд остановится... От Сциллы Харибдовны нагорит, и справедливо. Злоумышленника давно уже след простыл.

Нет пострадавших? Нет. Вот и хорошо. Нет даже попорченного имущества, не считая крохотной метки на вагонном стекле. Пренебрежем. Собака лает, а караван идет. Так и надо. Это только возмущенным обывательницам вечно хочется чудес: чтобы, значит, и караван шел, и собаки ластились. А главное, они свято убеждены, что все эти чудеса должен обеспечивать кто-нибудь другой.

И темы у них одни и те же, особенно у пожилых: ныне все не так, а вот, помню, в наше время... Давно известный социопсихологический феномен: каждое поколение считает, что живет в период упадка. Послушать их, так раньше и эксмены были шелковые, и холестерина в яйцах меньше, и кресла в вагонах мягче, и колеса круглее. Не говоря уже о том, что погода не позволяла себе таких выкрутасов. Виданное ли дело: плюс пятнадцать в Москве в конце февраля! А на прошлой неделе – буран со снежным торнадо! Как жить, а?

Очень просто: как раньше. Это проверенный рецепт. А если понадобится что-то изменить, то те, кому виднее, решат, что и как надо подправить. Начальство даст команду.

Вот и еще одна тема, появившаяся сравнительно недавно и уже успевшая надоесть: массовый снос всяческих построек, особенно в провинции. И опять этот вопрос обсуждается с неодобрением. Неужели не ясно, что речь идет о сносе ветхого фонда и о постройке вместо них новых, красивых зданий? Давно пора. Не вечно жить же в бабушкиных трущобах. Что? О чем вы там блекочете? Насильственное выселение? Очень правильная мера. Разве с вами можно договориться по-хорошему? А что до массовости сноса, то у нас ведь издавна так заведено. Ну не умеем мы работать планомерно, не немки мы, нам кампанию подавай против что-нибудь. Или за что-нибудь... А конечный результат все равно практически тот же.

Тарашиться в окно надоело. Как назло: две болтливые тетki, расположившиеся напротив, исчерпав временно тему всеобщей деградации и устрашающего падения нравов, немедленно завели новую волюнку – о телепортирующем эксмене. Сколько Ольга себя помнила, столько и слышала подобные байки, соперничавшие с ночными страшилками о черной руке и гробе на колесиках, очень уместными в летнем лагере гёрлскаутов после отбоя. И непременно рассказываемыми жутким шепотом с придыханиями. Чтобы мурашки по телу.

Разумеется, никто из них телепортирующего эксмена лично не видел, как не видел и летающего крокодила, но обязательно находилась какая-нибудь очевидица (чаще всего родственница знакомой или знакомая родственницы), которая столкнулась с данным феноменом буквально нос к носу. Как правило, далее подробно описывался ужас очевидицы и поспешное бегство эксмена в Вязкий мир. Очевидица бывала напугана всегда, а эксмен – когда как. Согласно некоторым байкам, он гнусно ухмылялся и подмигивал, прежде чем исчезнуть, а иногда предварительно раскрывал пасть, чтобы изречь какое-нибудь апокалиптическое пророчество. Вот ужас-то!..

Тут уж совсем захотелось заткнуть уши. Ну что они могут в этом понимать? Сами-то когда телепортировали в последний раз? Постыдились бы!

Иные рассказчицы договаривались до абсурда, утверждая, что кто-то когда-то сталкивался с эксменом аж в Вязком мире... Где-где? Повторите. Кто? Когда? Имя? Адрес?

Тьфу на вас. Человек не может одновременно заниматься балетом и борьбой сумо. Собаки не кукарекают, а киты не порхают под облаками. В Вязком мире невозможны никакие встречи.

Аксиомы? Да. Для всех, у кого в голове есть толика мозгов. Данность есть данность, и разумный человек мирится с нею. Жаль, например, что невозможен вывих языка, но тут уж ничего не поделаешь, хотя некоторым болтливым дурам данный диагноз совсем не помешал бы. В целях общественного спокойствия.

Таких зловредных фантасток Ольге всегда хотелось подвергнуть психиатрической экспертизе и, в зависимости от ее результатов, направлять либо на принудительное лечение, либо на принудительные работы. Кстати, программа тотального перераспределения рабочей силы открывает для трудотерапии массу возможностей... Вымысел имеет право на существование, во-первых, в книгах и фильмах, а во-вторых, если он не причислен цензурой к категории вредных. Так было, так и будет.

А как же иначе?

3

Мама занималась стряпней. Чуть только Ольга переступила порог квартиры, нос моментально уловил восхитительный запах поспевающей в духовке кулебяки с соминой под луком, тертым сыром и майонезом – фирменного мамино блюда. Рот мгновенно наполнился слюной.

– Привет, мама!

Бурной радости по поводу явления дочери не последовало. Ольга нисколько не сомневалась, что мама смотрела состязания по телевизору и, наверное, болела за дочь, но поздравлений от нее вовек не дождешься. Правда, все же решила испечь любимое блюдо, а значит, все еще сопереживает дочери, радуется ее успехам. Еще не махнула на дочь рукой.

– Физкульт-привет! – Без сарказма, конечно, не обошлось. – Как поживает Вязкий мир?

– Лучше всех. Ему-то что.

– А тебе? – сейчас же спросила мама.

– И мне неплохо. Видела?..

– Видела. Так в цирке звери с тумбы на тумбу скачут. Позорище. Когда ты, наконец, делом займешься?

– Каким это? – весело спросила Ольга.

– Переведешься на очное отделение, вот каким! Скажи честно, когда ты в последний раз учебник в руки брала?

Ольга пожала плечами:

– Да дней десять назад, наверное. Как раз перед состязаниями...

– Спорю на компот, что это была «Криминалистика», а не «Гражданское право», – подковырнула мама. – Угадала?

– Наполовину. Еще «Основы судебной медицины».

– Ох, накажешь ты сама себя... Тебе надо быть в числе первых, лучшей быть надо! Ты сама посуди: много ли выпускниц заочного отделения попадает на человеческую юриспруденцию? Процентом десять самых-самых! А остальные так на всю жизнь и погрязнут в эксменской преступности! – Маму передернуло. – Или еще того хуже: проработают в полиции!

– А что ты имеешь против? – Ольга начала сердиться. Такие разговоры последние год-два повторялись с нудной однообразностью. Мама долбила, как дятел, в одну точку. – Я на хорошем счету. Вот, сегодня завоевала серебро. Кто обо мне знал? Кто такая Ольга Вострцова? Обыкновенная штатная единица. А теперь, может, в сборную пригласят...

– И что дальше? Спорт высоких рекордов? Твое ли это дело?

– Допустим, не мое, – сердито сказала Ольга. – Значит, буду служить, как служила.

– Лупить эксменов дубинкой по головам должны те, у кого мозгов в голове столько же, сколько у эксменов, – наставительно заметила мама. – У тебя мозги есть, и ты должна учиться.

– Мама!

– А что, я не права?

– Пожалуйста, мама! Служба развивает.

– Она развивает в человеке только тупость, силу мышц и скудный набор рефлексов.

– Неправда, она развивает сообразительность! Недавно был случай...

– У хищника, выслеживающего добычу, сообразительность развита еще сильнее, но ведь она инстинктивна. Ты хочешь сказать, что мечтаешь сравняться с животными?

– А что в этом плохого?

Когда-то этот вопрос, заданный самым невинным тоном, ставил маму в тупик. А если она начинала возражать, то спор быстро переходил в пустопорожнюю дискуссию о терминологии. Но, видно, прошли те времена.

– А что в этом хорошего? Рефлексы мозгов не заменят. Не в таком мире мы живем.

– Да? – Ольга рассмеялась. – А в каком?

– Уж точно не в том, в каком вас держит эта ваша командирша, как ее... Настоящий мир шире и краше, а вы в него смотрите, как из дупла. А вашей, как бишь ее... Сцилле Харибдовне того и надо!

– Вообще-то она Стелла Харитовна...

– Да какая мне разница, как ее зовут? Важно, что она совсем не глупа, как я погляжу. Неужто она будет заботиться о расширении вашего кругозора? Где она тогда найдет кадры? Уж она-то понимает: кто поумней, тот в полиции не служит...

– Мама!

Мама только фыркнула и повернулась к духовке. Судя по божественному аромату, кулебяка почти дошла до кондиции.

Маму Ольга любила, но до чего же трудно стало с ней общаться! Беда старшего поколения в том, что оно желает видеть в молодежи свое повторение, желательно улучшенное. Но повторение – это обязательно! Лучше простое или даже немного ухудшенное подобие, чем блестящее неведь что. Наверное, все они мечтают прожить жизнь заново, не повторяя былых ошибок. Сами не могут, так отыгрываются на потомстве. Не успеет родиться дочь, как вокруг нее уже понатыканы указатели: сюда ступай, а сюда не смей, это хорошо, а вон то не тронь – бяка. Как будто жизнь детей принадлежит родителям, а не детям!

Не хочешь быть цензором, как мать, – тогда вот тебе запасной вариант: юриспруденция. Судья Ольга Вострецова – чем плохо? Или прокурор? Разумеется, исключительно по человеческим делам, а то эксмены – это всегда такая грязь и мерзость... Тот факт, что дочь имеет склонность к оперативной работе, во внимание, естественно, не принимается.

А на деле выходит так, что не каждой по душе кабинетное сидение. На всех желающих кабинетов все равно не хватит, ну и незачем увеличивать конкуренцию. Только зря мама думает, что шевелить мозгами можно только в кабинете за двухтумбовым столом. Оперативная работа это не только рефлексы, дубинки, наручники да Вязкий мир – это в первую очередь хорошая голова!

Хорошо еще, что на этот раз мама не напомнила о давнем, почти забытом увлечении Ольги метанием всевозможных боевых снарядов – ножей, звездочек, топориков, боло, даже бумерангов. Увлечений без практического применения мама не понимала.

Теперь смертоносные снаряды висели в Ольгиной комнате на старом, пробитом крюками ковре. Иногда, особенно когда ожидалась большая операция в эксменских районах, Ольга тайком брала с собой пару звездочек в дополнение к штатной экипировке, и каждый раз напрасно. В реальной работе до такой экзотики никогда не доходило дело.

Ольга прошла к себе. Переделалась в домашнее. Сняла с полки «Криминалистику», брякнулась на кровать, полистала, отложила. Успеется. Сегодня будем отдыхать.

Мама гремела посудой, накрывая на стол. Пойти, что ли, помочь?.. Нет, не сегодня. Программа на вечер иная: поесть, поболтать, завалиться на час в ванну с морской солью – и баиньки. Все в мире взаимосвязано: утро вечера мудренее как раз потому, что работа не волк. Хорошо бы завтра обошлось без вызова...

Телефон, хвала Первоматери, молчал. Отключить бы его совсем, а равно и мобильник... Нельзя: это будет расценено как служебный проступок.

– К столу, чемпионка!

Мама расстаралась на славу: на покрытом белоснежной скатертью столе красовались две витые свечи в узорчатых подсвечниках, давно сберегаемая бутылка белого полусухого вина «Улыбка жрицы Первоматери», хрустальные рюмки и столовая посуда из праздничного набора с изображением скачущих амазонок по ободу каждой тарелки. Ну и, конечно, только что разрезанная, исходящая паром кулебяка. Свечи оказались уже зажжены, а бутылка откупорена.

– Садись, дочка, отметим твой успех.

– Ты прелесть, мама! – Ольга захлопала в ладоши.

– Ладно, ладно... – Мама изо всех сил делала вид, что она не прелесть. – Я, собственно, имею в виду твой будущий успех на серьезном профессиональном поприще, а не эти скалки-догонялки... За твой светлый ум, чтоб он не исчез окончательно. За тебя!

– И за тебя, мам! – подхватила Ольга.

Хрусталь мелодично звякнул. Вкус белого вина напомнил Ольге, что она ужасно голодна. Хвала Первоматери, теперь о спортивной диете можно забыть хотя бы на время. В один момент расчлененная кулебяка сильно уменьшилась в объеме.

– Вкусно? – добродушно осведомилась мама.

– М-м!.. Каждый день бы так!

– Насчет каждого дня – большой вопрос, – вздохнула мама.

– М-м? Почему?

– Ты мне вот что скажи, телезвезда: тебе под сегодняшний триумф премию случайно не отвалят?

– Не знаю. – Ольга пожала плечами. – Вообще-то могут. А что?

– Нам зарплату опять задержали, – объяснила мама. – В третий раз уже. Теперь обещают на будущей неделе. Как жить? И цены на продукты растут, что ни день. У нас холодильник почти пустой.

– Если пригласят в сборную, вытребую подъемные, – заявила Ольга с набитым ртом. – А нет, так перехвачу у кого-нибудь займы до получки. Не бойсь, деньги будут. Не надо о грустном, а? Лучше расскажи, над чем ты сейчас работаешь.

Это был верный способ подольститься – мама любила свою работу в детском издательстве и, пожалуй, не променяла бы ее ни на какую другую. Как, впрочем, и Ольга. Надо бы почаще расспрашивать маму, как там обстоят дела на фронте борьбы с крамолой. И сколько удалось заложить контрмин, и сколько отбить штурмов, и какую чушь несут, выгораживая себя, пойманные диверсанты от чуждой идеологии. И что нового пишет Элеонора Жахова.

– Неумёх присылают, – вздохнула мама. – Раньше как бывало: приходит новенькая, напортачит раз, напортачит другой, а потом глядишь – пошло дело. И года, бывало, не проходит, как она уже матерый цензор, и проверять за ней не надо. Иная не просто вымарает, а, когда надо, и за редактором подправит, да так, что та потом себя по лбу бьет: где же, мол, мои глаза были? И бегом за шампанским. А теперь?... – Мама безнадежно махнула рукой. – Откуда только таких выкапывают?

– Совсем дурочки, что ли? – хмыкнула Ольга.

– Не скажу, что дурочки, – против всех ожиданий возразила мама. – Ум-то у них есть, да только вялый какой-то, ленивый. Подтекста совсем не видят. Не пойму, кто им вообще доверил писать слова. А у нас пошла серия «Старые-старые сказки» для самых маленьких. Этакого добра с дообновленческих времен воз остался. Перелицовываем, понятное дело. Даю одной задание на пробу: отцензурировать сказку «Колобок» в новом варианте. Знаешь эту сказку?... А, нечего там знать, чепуха ужасная. В исходнике жили вместе двое разнополых престарелых, представляешь себе? Ну, тут перелицовщица кое-как справилась: бабушку оставила хозяйкой, а старика-эксмена поставила к ней в услужение для разных работ по хозяйству. С грехом пополам можно допустить. У нерадивого эксмена, понятно, погреба пусты, и не то что рыбы на кулебяку – пшеничной муки практически нет. Замечательно. Старушка гневается и велит слуге скрести по сусекам до тех пор, пока что-нибудь не выскребется или пока дырку не протрет. Само собой, в конце концов мука обнаруживается у эксмена в заначке. Тоже очень правдоподобно. И приказывает хозяйка эксмену испечь ей Колобок...

Ольге было не очень интересно, но она не перебивала и даже поддакивала. Пусть мама выговорится. Человеку надо время от времени сбрасывать то, что у него накопилось на душе,

иначе он взорвется, как перегретый котел, да еще обварит окружающих. Не надо. Умение сочувственно выслушать еще никому в жизни не мешало.

– Колобок же вдруг ни с того ни с сего оказывается одушевленным и пускается в бега, – продолжала мама. – Ну сказка, что возьмешь. От зайца ушел, от волка ушел, от медведя ушел, а как наткнулся на лису, так его вояж и кончился. Казалось бы, чего еще желать: заяц, волк и медведь, в отличие от лисы, явные эксмены и простофили, так что сказка вроде бы демонстрирует детям извечные мужские качества: тупость, агрессивность и бахвальство. «Я тебя съем!» – «Я от бабушки ушел, и от тебя уйду». На первый взгляд, логично. Ну, девчонка-перелицовщица и не стала дальше ничего менять, девчонка-редактор не придралась, а девчонка-цензор готова была пропустить все это безобразие, ты представляешь!..

– А что, не надо было? – улыбнулась Ольга, наполняя рюмки.

– Вот именно! Так не понять истинный смысл сказки – это надо уметь!.. За здоровье!.. – Чокнулись. – Ну так вот: истинный смысл сказки заключен в том, любое противоправное действие обречено на возмездие. Наши три вертихвостки даже не поняли, что сам-то Колобок – беглый эксмен, получивший по заслугам! Трактовка образов зайца, волка и медведя в принципе может быть двоякой, однако лично я склонна отнести их к лояльным эксменам, принимавшим участие в поимке преступника. Очень показательно, что беглый ушел от них играючи – это лишний раз доказывает, что эксменам нельзя доверять ни в чем, и объяснит детишкам, почему охрана правопорядка является исключительной прерогативой настоящих людей...

– По сказке так вроде и получается, – заметила Ольга. – Лиса ассоциируется с работницей органов правопорядка...

– Не спеши! Ты права, но все равно сказка никуда не годится. В исходнике беглый преступник вызывает у читателя сочувствие, а в финале даже некоторую жалость. Допустимо ли это? Вот тебе упражнение для ума: что надо сделать, чтобы данный правонарушитель не вызывал никаких положительных эмоций? О чем нужно вспомнить?

– О чем?

– О том, что создатель Колобка сам эксмен! Ну ты сама посуди, мог ли эксмен создать приличное изделие, как ты считаешь?

– Не мог, – честно ответила Ольга, глядя на растерзанную кулебяку.

– Вот-вот, не мог. А значит, у него вылепился не Колобок, а Кривобок, и сказку надо переименовывать. Далее: может ли беглый Кривобок ровно катиться по дорожке? Ни в коем случае. Его турпоход должен быть таким: то о пень ударится, то в канаву свалится. Он в грязи, в занозах, в лягушачьей икре, он сам не понимает, куда в следующую секунду покатится, – ну типичный перепуганный беглый! И своей безудержной похвалой он маскирует смертный ужас! Короче говоря, высказала я свои соображения девчонкам, а они только рты разевали, и вернула им текст на доработку. Пусть потрудятся. И это еще чепуха, тут недавно хуже было!.. – Мама возмущенно фыркнула.

– Что такое? – заинтересованно спросила Ольга.

– Пришла самотеком перелицовка «Мухи-Цокотухи». Ну, эту сказочку ты должна помнить. В перелицовке сначала вроде текст как текст, сороконожки и бабочки оставлены, клопы и тараканы, разумеется, убраны. Злодейский паук с самого начала был просто находкой: руки-ноги веревками крутит, покушается на убийство при отягчающих обстоятельствах, словом, тянет на вышку. Но далее? Само собой, спасти муху должен не какой-то эксмен-комарик, а полноценное существо женского пола. И некая Мария Цыпкина – так подписано – лепит: «Вдруг откуда-то летит маленькая пчелка, и в зад у нее торчит жало, как иголка». Каково?!

Ольга захохотала.

– И ничего смешного! – обиделась мама. – Явное глумление. Чуть раньше, где про паука, еще того хуже: вонзает он в муху совсем не зубы... На том, наверное, основании, что «в уголок поволок». Кошмар! Во-первых, сексуальное преступление, а во-вторых, это даже не инбри-

динг, поскольку пауки и мухи принадлежат к разным классам членистоногих. Это хуже! Финал тоже ни в какие ворота: пчелка и спасенная муха устраивают лесбийскую свадьбу. Извращение налицо, причем напоказ: пчелка «муху за руку берет и к окошечку ведет», чтобы всему свету было видно это распутство. Естественно, я звоню куда следует, находясь в полной уверенности, что под человеческим именем безобразничает какой-нибудь ополоумевший эксмен. Ну, думаю, я этому пакостнику самому жало в зад вставлю! Полуметровое! Зазубренное! И что же в конце концов оказывается?..

– Обратный адрес, разумеется, фальшивый? – поинтересовалась Ольга.

– Настоящий! – Мама всплеснула руками. – В том-то и ужас! На самом деле эта Мария Цыпкина – соплинка четырнадцати лет! Мне сверху строгое внушение: почему для ерунды серьезных людей от дела отрываю? Никаких эксменов, а просто юная хулиганка...

– Факт хулиганства надо еще доказать, – заметила Ольга. – Похоже, просто дурь и подростковые комплексы на базе возрастных гормональных штормов. У нас с таким контингентом психологи работают.

– И успешно? – фыркнула мама.

– Когда как. Чаще – да.

– Чаще!.. В чаще звери плодятся, а вы с ними цацкаетесь. Брать бы этот твой контингент сразу на интенсивную трудотерапию, и никакой гормон не заштормил бы.

– Нужна сильная рука? – Ольга согласно покивала. – Ну и кому ты это говоришь? Сержанту полиции? У нас в отряде все так думают.

– Будто бы? – прищурилась мама. – Все вы, молодежь, на словах за порядок, а как дело дойдет до закручивания гаек, так сразу вспоминаете о гражданских свободах.

– Кто же и закручивает гайки, как не полиция? – подковырнула Ольга.

– А, полиция! – Мама махнула рукой. – Когда вы нужны, вас не докричишься. Соревнования еще устраивают, полные стадионы собирают! Работать только некому.

– Между прочим, если бы каждая умела нормально телепортировать, работы у полиции было бы вдесятеро меньше.

– Если бы власти думали о людях, лазать в Вязкий мир приходилось бы только тем, кому это нравится, – парировала мама.

– То есть мне, – констатировала Ольга, набирая очко в давнем споре с мамой по поводу выбора профессии.

Мама поперхнулась. Откашлявшись и отдышавшись, глотнула вина, не предложив тост. Держала паузу, как видно, обдумывая очередную и на этот раз сокрушительную педагогическую сентенцию, долженствующую направить неразумную дочь на путь истинный.

Тут-то и запищал телефон. Ольгу снесло со стула.

– Да? Да. Кто?.. Какой пропуск, куда?.. Да. Да. В девять?.. А в чем дело?.. Не поняла. Почему я?.. Завтра? Ладно, договорились. Но вы же понимаете, что я обязана сообщить... Вот как? Ну хорошо. Буду. До свидания.

Трубка шмякнулась на рычаг. По старой привычке озадаченно теребя мочку лишнего серьги уха, Ольга прошлась взад и вперед по комнате. Что бы означал этот звонок из Департамента?

– Начальство? – встревоженно спросила мама. – Что, вызывают? Прямо сейчас?

Ольга помотала головой:

– Нет, не начальство. Вызывают, собственно, на завтра. Но позвонить начальству мне придется прямо сейчас...

4

Среди великого множества разнообразных привилегий, органически присущих тем или иным группам людей, привилегия астрономов является, пожалуй, наиболее странной: гораздо тщательнее, чем остальное человечество, вглядываться в то, чего давным-давно нет. Кто бы ни сотворил мироздание, он по сию пору должен хохотать над своей стародавней шуткой – невероятно широко раздвинуть пределы Вселенной, одновременно наделив свет смехотворно малой по сравнению с ее размерами скоростью.

Миллиард лет назад одно из заурядных шаровых скоплений, увлеченное притяжением Большого Магелланова Облака, проходившего тогда сквозь дальнюю периферию Млечного Пути, изменило свою орбиту. С галактикой-гигантом не очень-то поспоришь, и удаляющаяся галактика-карлик не сумела утащить скопление за собой. Пигмей никогда не победит сумотори в перетягивании каната. Растрепанное Облако лишь чуть-чуть подтолкнуло скопление в самой дальней от Ядра точке его траектории.

Этого оказалось достаточно.

За четыреста миллионов лет до того, как по илистому дну первобытного океана Земли неуклюже прополз первый трилобит, судьба живой материи в Галактике была решена. Самоорганизация, усложнение и эволюция действуют лишь там, где им позволяют действовать более простые и более могучие законы природы. У простейших слизевидных существ, кишмя кишевших в каждой капле морской воды, впереди была долгая, драматическая и славная история, и все же однажды ей предстояло прервать свое течение.

Перескочив на более вытянутую орбиту, звездный колобок, состоящий из полутора миллионов тусклых красноватых солнц, сделал два оборота вокруг центра Млечного Пути, то почти касаясь Ядра, то уносясь прочь и поднимаясь высоко над галактическим диском с его спиральными рукавами, облаками светящегося газа и полосами пыли. Его путь едва заметно искривляли карликовые галактики в Скульпторе и Печи – ничтожные пародии на звездные системы. На его орбиту влияло тяготение Ядра, спиральных рукавов и невидимой темной материи.

Не касательное, а лобовое – центр в центр! – столкновение с Ядром ждало его на третьем витке.

Оно произошло тогда, когда на просторах Евразии уже господствовали кроманьонцы, когда Великий Ледник только-только начал подтаивать с краев, когда в холодных степях повсеместно водился волосатый мамонт, а южнее доживали свой век последние мастодонты и махайроды. Много воды утекло с плавящегося Великого Ледника, пока еще было чему плавиться, изменился животный мир, и высшая форма живой материи принялась успешно перекраивать лик планеты, вовсе того не жаждавшей. Чередом прошли неолитическая, металлургическая, промышленная, научно-техническая и информационная революции, человечество в муках изжило многочисленные заблуждения вроде противоестественной идеи всеобщего равенства, открыло в себе новые, небывалые способности, загнивший на корню безмозглый патриархат сменился Путем Обновления, и вопрос о сохранении человечества как вида перерос категорию зыбкой надежды, обернувшись твердой уверенностью – хорошо аргументированной, но легко принимаемой и без доказательств.

Тем временем потоки жесткого излучения уже преодолели две трети расстояния от Ядра до задворков Галактики, где приютилась Солнечная система. Высшей жизни на Земле оставалось существовать еще один галактический миг – десять тысяч лет.

Слияние двух сверхплотных объектов звездной массы порождает гамма-всплеск огромной интенсивности – яростный, но скоротечный. Иное дело, когда сталкиваются две колоссальные черные дыры – одна, в Ядре, с массой в миллионы солнц, и другая, прячущаяся в центре

шарового скопления, в тысячу раз менее массивная, но все равно гигантская, и когда обе они в изобилии окружены звездной материей.

Считанные единицы ближайших звезд, качнувшись на гребне гравитационного цунами, рухнули в черную дыру. Полчища других звезд на бешеной скорости закружились по коротким орбитам, излучая гравитационные волны, теряя кинетическую инергию и приближаясь к краю бездонного гравитационного колодца, подобно тому как обломки кораблекрушения, подхваченные Мальстремом, мало-помалу приближаются к его жерлу и исчезают в нем. Раница здесь только в том, что втянутая водоворотом щепка может потом снова выскочить на поверхность.

По мере приближения к горизонту событий приливные силы творили с формой звезд много больше того, что опытный стеклодув может сотворить со стеклянным пузырем. Из шаров рождались запятые-головастики; «хвосты» материи, закручиваясь, устремлялись в черное ничто. Гравитационное чудовище высасывало звезду за звездой, не желая ждать того момента, когда можно будет сглотнуть их одним махом. Разгоняясь до субсветовых скоростей, материя излучала кванты, все более жесткие по мере приближения к алчущей гравитационной пасти. Так крики ужаса, испущенные жертвой, становятся невыносимо отчаянными именно тогда, когда вот-вот вступят в дело зубы хищника и уже ничего нельзя изменить. В предсмертных криках отсутствует даже намек на какой-либо практический смысл, но там, где действует природа, зачастую бесполезны поиски смысла.

Материя кричала. Но, в отличие от земных травоядных, она мстила заглатывающему ее чудовищу, отдавая в крик долю своей массы. Голодный монстр мог пожрать лишь часть того, что было у него «в зубах». Пусть большую, но все же часть. Остальное уносилось излучением.

Как ни странно, месть в конечном счете играла монстру на руку. Поток излучения непредставимой силы разогревал атмосферы десятков тысяч близких, но недоступных звезд, носящихся вокруг черной дыры с безумными скоростями, но все же по относительно безопасным орбитам.

Температурная инверсия в звезде – нонсенс. Такого не бывает просто потому, что как только внешние слои звезды по какой-либо причине чересчур разогреются, звезда моментально «распухнет» и сбросит их, если источник нагрева не иссякнет.

«Раздетые» звезды остаются на своих орбитах, зато вблизи гравитационного колодца вновь появляется газ, давным-давно исчезнувший и в галактическом ядре, и в шаровом скоплении. Образуя аккреционный диск, он рушится в пасть центрального монстра, и пожираемая материя вновь кричит во всех диапазонах электромагнитных волн... все громче, громче...

ГРОМЧЕ!

Потоки излучения. Лавины. Гольфстримы.

Хаос. Разрушение и невозможность воспроизводства сколько-нибудь сложных молекулярных структур, оказавшихся на пути энергетического шторма. Гибель сложного во имя простого. Уничтожение зыбкого ради фундаментального.

Для великого множества миров, обращающихся по более близким к Ядру орбитам, катастрофа уже произошла. Но даже самый чувствительный астрономический инструмент из расположенных в обсерваториях на Мауна Кеа, Килиманджаро, Серро-Пачон и Рокве-де-лос-Мучачос, еще не мог предупредить астрономов о бешеном шквале смертоносного излучения, неостановимо распространяющемся по Млечному Пути.

Ф-ф-фух!

Долой вычурность!

Назад, к простоте!

Смести.

Разрушить.

Стерилизовать.

Я слушаю. Слушаю чудовище, внутри которого нахожусь. Вникаю в смысл слов живого звездолета, невероятно продвинутого организма, давно вышедшего из колыбели планетарного тяготения, заботливой няньки, пестующей неразумное черепаховидное создание, что похоже сейчас на свернувшегося в шар броненосца.

Мое присутствие корабль только терпит. Он кормит меня какой-то густой субстанцией, по консистенции напоминающей творожную массу и всегда разной на вкус. Он убирает отходы. Наконец, он беседует со мной – то голосом, то беспардонно влезая в мои мозги.

Вообще-то «он» – на самом деле «она». Но, кажется, кораблю безразличен тот факт, что я частенько думаю о нем в мужском роде, – что слону комариный писк? Любой человек смертельно оскорбился бы, если бы его ненароком спутали с эксменом, а этому существу хоть бы хны. Оно значительно выше таких мелочей.

– Как это будет выглядеть? – спрашиваю я, чуть-чуть встревоженный. Для серьезных опасений нет почвы: десять тысячелетий – срок немалый. Что нам далекая умозрительная опасность, если через четыре недели этот живой корабль в компании себе подобных испепелит Землю? Ведь невидимый барьер по-прежнему надвигается с той же скоростью – со скоростью движения Солнца относительно ближайших звезд, – и я не знаю, как выполнить то, ради чего оказался здесь, пройдя через бегство, сговор, выучку, бунт и гибель товарищей.

– Мощнейшая гравитационная волна и сильнейшая первоначальная вспышка излучения с максимумом в гамма-области, – охотно отвечает корабль. – И это будет только самое начало.

– А что дальше?

– По вашей терминологии, в центре Млечного Пути загорится квазар. Интенсивность и жесткость радиации не будут уменьшаться на протяжении многих тысяч лет. В данный момент вблизи центра Ядра образовалась такая звездная толчея, что падения звезд в черную дыру уже происходят достаточно часто. Пройдет значительное время, прежде чем часть звезд и сорванный с них газ будут поглощены, а другая часть стабилизирует свои орбиты. Квазар погаснет не раньше, чем вокруг него не останется материи, которую он мог бы пожрать. В течение этого времени существование сколько-нибудь сложной формы материи на поверхности вашей планеты будет абсолютно невозможно.

– Почему?

– Проникающая радиация. Наведенная радиоактивность. Разрушение озонового щита. Безусловная гибель высших растений и всей пищевой цепи до человека включительно. Даже ваши крысы не смогут существовать. Уточнение: после угасания квазара существованию высшей жизни на поверхности еще долгое время будет препятствовать распад нестабильных изотопов.

– А спастись под землей? – настаиваю я. – Шахты какие-нибудь...

Корабль не просто отвечает – вещает академическим тоном. Не знаю точно, что это такое, в академиях я не обучался, но убежден, что такой голос должен раздаваться не иначе, как с кафедры:

– Простейшим организмам в толще горных пород, а также в глубинах океана, вероятно, удастся благополучно пережить катаклизм. Человечество в лучшем случае сумеет закапсулировать в надежных убежищах сравнительно небольшое количество особей либо в летаргии, либо в варианте смены поколений, либо в определенной комбинации этих стратегий – предпочтительный вариант можно просчитать. Подчеркиваю, данная группа человеческих особей должна быть сравнительно мала: ведь вместе с нею надлежит сохранить в убежищах все основные элементы ваших экосистем. Помимо этого, группа должна состоять из генетически безупречных особей. Согласно тем знаниям о человечестве, которыми я обладаю, нетрудно прийти к выводу: ни при каких разумных вводных необходимые условия не будут выполнены, следовательно, необходимость в детальных расчетах отпадает сама собой. Как видишь, человечество обречено на гибель в любом случае.

– Ты с ума сошел, – возражаю я без горячности. С этим монстром я давно уже не горячусь – на него это не действует. – Десять тысяч лет – срок серьезный. Ты вот, скажем, летаешь, а когда-то ползал. Во всяком случае, предки твои уж точно ползали. Учиться и мы умеем, загляни в нашу историю. Откуда ты можешь знать, что наши отдаленные потомки будут сидеть на Земле и дожидаться катастрофы? Может, они – фью! – и нет их...

– Существует только один шанс из пятидесяти за то, что к указанному сроку человечество освоит межзвездные перелеты. Кроме того, сами по себе они еще не панацея. Нужно уметь не просто слетать к ближайшим звездам – требуется полная автономность, не опирающаяся на ресурсы материнской планеты, которую придется оставить навсегда. Проще говоря, домами ваших потомков должны стать субсветовые космические корабли. Вероятность их создания за отпущенный вам срок пренебрежимо мала.

– Других вариантов нет?

– Почему же нет? – удивляется корабль. – Есть альтернативный вариант: то, что ты называешь земной цивилизацией, получает в свое распоряжение принципиально новое знание, что-нибудь вроде умения управлять пространством-временем или создавать новые реальности, и выкручивается из неприятной ситуации. К сожалению, я не могу поделиться с людьми знанием такого рода, у меня его просто нет...

– Но чисто теоретически такая вероятность существует? – настаиваю я.

– Теоретически существуют и мнимые числа, – напоминает корабль. – Я не могу рассчитать данную вероятность, но полагаю ее пренебрежимо малой.

– А для вас что, излучение квазара безопасно?

Или мне мерещится, или я мало-помалу начинаю улавливать интонации в словах моего хозяина-вместилища. Сейчас я готов поклясться, что ощущаю его сожаление:

– Нет. Но мы можем ему противостоять. Какое-то время.

– И мы тоже сможем! Мы справимся! У нас впереди десять тысяч лет, если ты со своими подружками оставишь Землю в покое!..

Мне кажется, что корабль вздыхает, прежде чем ответить:

– У вас впереди гораздо меньше времени, даже если мы оставим вас в покое...

– Что?

Корабль молчит.

– У нас нет десяти тысяч лет? – Я не верю ушам. – Почему? Говори!

Теперь мне кажется, что он отвечает неохотно. Без сомнения, только кажется. Я не в силах заставить его плясать под свою дудку.

– Через восемь тысяч двести тридцать лет обыкновенная черная дыра звездной массы, каких в Галактике миллионы, одиночная и находящаяся вдали от газопылевых облаков, а потому практически необнаружимая вашими средствами наблюдения, войдет в пределы Солнечной системы. Вероятно, внешние планеты будут оторваны от Солнца ее притяжением, а орбиты внутренних сильнейшим образом изменятся. Последствия будут вполне катастрофическими. Вряд ли ваша цивилизация сумеет приспособиться к новым условиям, если в перигелии Земля будет приближаться к Солнцу ближе Меркурия, а в афелии удаляться в пояс астероидов...

Бьется сердце, но я вздыхаю с облегчением:

– Ну, восемь тысяч лет – тоже срок немалый...

– И излишне оптимистический, – безжалостно добавляет корабль. – Это еще не все. Примерно через семь с половиной тысяч лет одно из многих ледяных тел, обращающихся по удаленным орбитам вокруг вашей звезды, далеко не самое крупное, поперечником не более тридцати километров, из-за сближения с Плутоном устремится во внутренние области вашей системы. Жители Земли увидят очень большую комету; более того, ваша планета пройдет через ее хвост. В результате на Землю с вероятностью более девяноста восьми процентов будет зане-

сен хорошо известный нам вирус клеточного бешенства. Имея общее представление о вашей физиологии, могу уверенно заявить: болезнь будет развиваться стремительно, с неизменно летальным и притом мучительным исходом. По всей вероятности, через пятьдесят-шестьдесят дней с высшей формой жизни на Земле будет покончено. Надо полагать, не вымрут только прокариотные организмы вроде ваших бактерий. Даже мы потеряли несколько планет, будучи не в силах своевременно синтезировать вакцину. У вас же нет ни единого шанса.

– Можно заранее отклонить ледышку и направить ее напрямик в Солнце, – небрежно отмахиваюсь я. – Тоже мне, проблема! Но все равно спасибо за предупреждение...

– Предупрежден только ты, – любезно напоминает корабль.

Да, конечно. Я не забыл. С тех пор как мне было позволено поболтать с виртуалом Вокульским, связи с Землей у меня нет. И весьма похоже, что уже не будет.

Пленник. Муха, надежно влипшая в паутину. Правда, муха именно этого и хотела, но кого это сейчас интересует? Что было, то прошло. Сегодня я пассажир, бесплатный, но и бесправный, а завтра могу оказаться кем угодно. Врагом. Мешающим инородным предметом. Пищей.

Живые звездолеты – об этом мы читали. Еще в патриархальные дообновленческие времена (кстати, а господствовал ли тогда патриархат?) некоторые сочинители додумались до верной в общем-то мысли: живое в конечном итоге сильнее неживого. Везде. Даже в космосе. Оно гибче и цепче. Оно умеет приспосабливаться и перекраивать среду под себя. Вывод прост: даешь полноценную генную технологию! Даешь живые, умные, послушные машины! Вылепим небывалое и заставим служить себе!

Не получилось. Нанотехнологии, на пороге коих человечество стояло накануне Пути Обновления, также не получили развития, столкнувшись с прямым запретом. Быть может, потенциальная опасность компьютеров, кишящих в каждой капле воды, как инфузории, и искусственных организмов искусственно преувеличивалась, не знаю. Да и кто вложит средства в создание того, в чем не ощущается никакой нужды? Мы только знали, что это возможно.

Но живые звездолеты как продукт естественной эволюции?! С ума сойти.

Я не выполнил задание. При мне еще три гранаты – одна осколочная и две с нервно-паралитическим газом – и нож-пила. Корабль не обращает никакого внимания на мой арсенал. Стоит ли ампутировать жвалы ползущей по ладони божьей коровке?

Ее не стоит даже давить, если укусит. Стряхнуть с ладони – и все. Лети, букашка.

Уничтожить живой корабль мне не по плечу, и корабль очень хорошо знает, что я давным-давно пришел к такому выводу. Он ведь читает мои мысли. Я еще жив только потому, что все еще представляю некоторый интерес для изучения. Это в лучшем для меня случае. В худшем – потому что забавен.

Разумным существам свойственно приручать менее разумных – кошечек, хомячков, собачек. При этом дикая собачья стая подлежит отстрелу, даже если не нападает. Превентивно.

Мы напали, и корабль легко уничтожил половину нашей эскадры. Несколькими часами позднее, верный своему правилу не пропускать за барьер ничего чужого, он выжег аннигиляцией базу на Ананке. Не думаю, что двенадцатый спутник Юпитера уцелел как монолитное тело, – скорее всего, на его месте возник метеорный рой да облако горячего газа.

Спустя сорок семь суток настал черед базы космофлота на Церере. Корабль любезно сообщил мне подробности боя: уничтожено более двухсот мелких целей и одна крупная, а вскоре перестала существовать и база. Астероид приобрел громадный кратер и заметно изменил орбиту, но уцелел – Церера соотносится с Ананке как арбуз с горошиной.

Смысл операции стал мне ясен, как только я узнал об уничтожении крупной цели. Вероятно, после фиаско с «Эгидой» штаб разработал новый план: попытаться прорваться за барьер, используя высокоскоростной транспортник, или корвет, или даже крейсер. При этом две-три

эскадрильи боевых капсул атаковали чужака, имея задачу связать его боем. Кроме того, как и в прошлый раз, чужаку пришлось отбиваться от стаи управляемых ракет.

Он отбил. Прорваться за барьер не удалось никому.

Если бы чужака всерьез пытались уничтожить, навалившись всей Третьей эскадрой, количество пораженных им целей, крупных и мелких, перевалило бы за тысячу. Совершенно очевидно, что штаб Присциллы О'Нил ставил перед исполнителями ограниченную задачу. Прскользнуть за барьер. Выяснить, будет ли противник стремиться уничтожить цель, оказавшуюся глубоко в его тылу, или смирится с ее существованием. Попытаться понять, что же такое этот летящий на нас барьер с центром у неприметной звездочки в созвездии Геркулеса – чугунное ядро радиусом в сотню световых лет или всего лишь воздушный шарик с тонкими стенками?

Если второе, то у человечества еще есть надежда на спасение: не держаться за космические базы, а стянуть все силы к Земле и, не считаясь с потерями, проколоть в одном месте барьер – пусть он катится дальше, как грозный морской вал, под который удалось поднырнуть. Заранее разместить на ближних и дальних околоземных орбитах десятки спешно достраиваемых кораблей, сотни платформ с гамма-лазерами, тысячи пилотируемых капсул, десятки тысяч ядерных ракет, сотни тысяч надувных ложных целей – и ждать, когда налетит барьер, в надежде на то, что чужаки не смогут за приемлемое время расправиться с таким обилием целей.

Лунными колониями, видимо, придется пожертвовать, как и марсианскими. Людей – вывезти. Позаботиться о подземных убежищах для населения – аннигиляционные вспышки в ближнем космосе пользы здоровью не принесут. Заранее смириться с ужасающими потерями и бурно радоваться, если Земля уцелеет, сохранив хотя бы половину космофлота. Но это, пожалуй, чересчур оптимистический вариант.

Умудренный реалист может считать крупной удачей, если Земля потеряет ВЕСЬ космофлот, если в течение нескольких месяцев на ее поверхности нельзя будет находиться без защитных средств из-за наведенной радиации, но если при всем этом уцелеют подземные убежища и хотя бы часть инфраструктуры. От голода, лучевой болезни, эпидемий и неизбежных беспорядков умрет множество людей и еще больше эксменов, но человечество выживет и со временем оправится от нокдауна. Что еще надо?

А главное, что еще остается делать? Пусть эксперимент на подступах к Церере окончился неудачей – иных вариантов обороны просто нет.

Я понимаю штабную логику.

Мошки, бьющиеся о ветровое стекло...

Сбиться в плотный рой – и попытаться пробить дыру в стекле. Внутри мобили тоже можно жить.

Ой ли? А дезинсектаем не опрыскают? Да и кто слышал, чтобы при встрече насекомых с ветровым стеклом страдало стекло, а не насекомые?

Мне даже нет смысла скрывать свои домыслы касательно построения обороны Земли – после Цереры корабль, несомненно, пришел к тем же выводам.

Я не знаю, как он поступит. Рискнет схватиться со всей мощью Земли в одиночку? Вызовет на подмогу десятков себе подобных? А главное, насколько далеко он готов пойти в ублажении своего второго подопечного? С чувством долга у корабля все в порядке, а вот как насчет инстинкта самосохранения?

Продолжит ли нянька до бесконечности потакать капризам малыша или однажды оттащит его подальше от опасного места, невзирая на его рев?

Я не могу его просчитать. Логика этого чудовища не строится на голом рационализме.

– Зачем ты рассказал мне о квазаре, черной дыре и вирусе? – спрашиваю я. – Чтобы доказать, что человечество все равно обречено? Ты ошибаешься. Если вы уберетесь, у нас останется... сколько там? Семь с половиной тысяч лет?

– Вряд ли больше трех тысяч, – поправляет корабль. – По нашим прогнозам, максимум через три тысячелетия одна из ближайших к вам звезд, Сириус А, не гигант и даже не субгигант, а обыкновенная белая звезда, заведомо безопасная с точки зрения ваших астрофизиков, взорвется как сверхновая неизвестного вам типа. Для жизни на вашей планете последствия будут крайне неприятны; для человечества – фатальны.

– А не много ли напастей на нашу голову?

– Если не ошибаюсь, у вас есть удачное образное понятие – полоса невезения, – охотно сообщает корабль. – Теория вероятностей распределяет катастрофы во времени случайным образом. Вам просто не повезло.

Пока я осмысливаю сказанное, он держит паузу. Затем продолжает:

– Вас ожидали бы и другие неприятности, не связанные непосредственно с ошибками развития вашей цивилизации. Полагаю, падение астероида километрового поперечника, ожидаемое через тысячу семьсот лет, вы пережили бы, хотя и не без труда. К сожалению, я не могу с достаточной точностью подсчитать вероятность самоуничтожения вашей цивилизации – тут все слишком неопределенно, у меня не хватает исходных данных. Могу только сказать, что предварительные прикидки отпускают вам срок не более двух – двух с половиной тысячелетий. У вас нет перспективы. До астероида вы, вероятно, дожили бы; до взрыва Сириуса А – уже вряд ли.

– И ты делаешь вывод, что нам незачем мучиться ожиданием худшего? – с сарказмом осведомляюсь я. – Все равно мы погибнем, а тысячелетием раньше или позже – какая разница?

– Аннигиляция не самый худший выход для вас, – немедленно изрекает он. – Что мгновенно, то безболезненно.

Голос корабля бесстрастен, но тут следует прислушиваться к смыслу, а не к тону. Неужели?.. Нет, не может быть, показалось... А если нет?

Если нет, то корабль уговаривает меня! Убеждает. Ему хочется, чтобы я согласился с ним.

– Совершенно верно, – произносит он вслух.

– А ведь ты врешь... – Ядовитейшая гримаса лезет мне на лицо, и я цежу слова сквозь зубы с шипением, точно ползучий аспид. – Ты не меня убеждаешь в своей правоте, ты себя убеждаешь. Как легко подменить вероятное на неизбежное! Как хочется это сделать! Переложить груз на других, успокоить совесть, умыть руки... И после этого ты утверждаешь, что вы продвинулись настолько, что вышли в Галактику без звездолетов? Может быть, это и есть прогресс, не знаю. Но ты боишься ответственности, продвинутый! Не перед нами, нет. Ты боишься самого себя!

Он молчит. Теперь он замолчал надолго, я его знаю. Не в первый раз мы ведем с ним такие беседы, и, вероятно, не в последний. У нас еще есть время для разговоров: Земля сгорит лишь через четыре недели.

Не знаю, захочу ли я беседовать с ним ПОСЛЕ ТОГО – в предположении, что он оставит меня в живых. И даже не хочу об этом думать.

Корабль молчит. Он, как и его сотоварищи, по-прежнему держит нерушимый кордон вокруг колыбели своей цивилизации, развлекая безмозглых подопечных, теша их территориальный инстинкт, сохраняя бортик их любимой песочницы. Какое им дело до того, что заурядная желтая звезда летит прямо на барьер, таща за собой выводок шариков-планет? Какое им дело до того, что разумные жители одной из планет вовсе не желают быть агрессорами, которых необходимо уничтожить? Тем более что предупреждение было им послано. Они все-таки собираются вторгнуться в чужие владения вместе со своей планетой и обогревающей ее звездой? Они упорно продолжают двигаться прямо на барьер со скоростью в четыре астрономических единицы в год? Тем хуже для них.

И все-таки сегодня я одержал победу. Маленькую-маленькую, сугубо частную и ровным счетом ничего не решающую. Но мне хочется верить, что это только начало.

Я знаю, что обманываю себя. Да, у корабля остались рудименты чувств, свойственных менее экзотическому живому существу, однако вряд ли мне удастся как следует надавить на них. Кораблю легче, чем мне, – он может решить все свои моральные проблемы, просто перестав со мной общаться.

Он так и делает.

Опять я не нашел нужных аргументов, да и есть ли они вообще? А если есть, то согласен ли корабль выслушать их от меня? Не та я, видно, персона. Хоть ты мекай, хоть аргумекай – все равно я перед ним ничего не значащая козявка. И даже не перед ним, а в нем, если уж быть точным. Совершенно непонятно, почему я все еще жив. Оставлен для изучения? Так ведь уже, наверное, изучен вдоль и поперек. Сохранен как собеседник? Вряд ли. Как забавная погремушка для слабоумного подопечного?

Очень может быть.

Что ж, за неимением лучшей роли побудем погремушкой. Если повезет, успею свихнуться и стать таким же дебилом, как первый подопечный. Наблюдая за уничтожением Земли, лучше пускать слюни, чем трястись от бессильной ярости.

– Кис-кис! Иди сюда.

«Кис-кис» ему явно не подходит. Но как подозвать страховидную черепаху – «черепп-черепп», что ли?

Самому мне двигаться лень – три «же» не шутка. Корабль думает прежде всего о потребностях главного подопечного, а уж потом о моих. Уже который месяц я вешу два с половиной центнера. Любой человек нормального сложения, не говоря уже о толстяках, за такое время, наверное, помер бы, а я живу, досадуя, правда, на то, что я не сухопарый йог. Поначалу адски болели мышцы, особенно дыхательные, но в конце концов они только окрепли, а небогатые запасы жирка давно вытопились. Но двигаться все равно неохота.

Сообщи мне корабль, что изменил свои планы, – да я колесом пройду и оторву чечетку! Авось сердце выдержит. А так – лучше полежу. Лежать пластом при тройной тяжести – уже физзарядка.

– Цып-цып, Двускелетный! Ути-ути...

Бронированный урод, равно похожий на черепаху и личинку крупного жука, радостно ползет ко мне – услышал. Первым делом игриво прихватывает жвалами мое запястье. Не все-рьез, играючи. Захочет – отстрижет руку начисто. Но и я позволяю ему приближаться ко мне лишь тогда, когда ясно вижу: он хочет игры.

Ему игра, а я устал считать шрамы.

Достаю нож-пилу. Гранату ему лучше не показывать – рассвирепеет. Помнит, как его шархнуло. А нож в его насекомом восприятии ни с чем опасным не ассоциируется.

Подранить его ножом я мог бы, это точно. Теперь знаю, куда надо просунуть лезвие и как повернуть. Наверное, смог бы и убить, да что это даст? Корабль играючи восстановит своего подопечного, а меня в любой момент может прихлопнуть, как муху. Без восстановления.

Когда я впервые подумал об этом, в голову залезла и другая мысль: чего ради продвинутые корабли-самки возятся со своими выжившими из ума самцами? Нежность, иллюзия материнства, радость заботы о несмышленишках – это ясно, но разве нельзя было модифицировать безмозглых Двускелетных во что-нибудь более разумное? Так-таки нельзя? При потрясающем воображении могуществе живых кораблей? Да не может того быть, чтобы нельзя!..

И сейчас же корабль дал ответ на невысказанный вопрос:

– У нас не было цели. Теперь цель есть. Ты предлагаешь нам кратчайший путь к ее достижению?

Ирония пополам с горечью звучала в его словах. И я все понял. Я понял, что безжалостно ткнул пальцем в «болеву точку» – живые корабли вовсе не стремились достичь своей цели как можно скорее. Их бы воля, так они бы отодвинули достижение цели в бесконечность. Да,

достичь цели – радость. Но достичь ее и вновь остаться без цели и смысла существования – боль и ужас. Разумнее не форсировать, пусть все идет своим чередом: Двускелетные несмышлениши играют в космической песочнице, радостно разрушая чужие куличики, а взрослые заботливо и снисходительно пестуют малышку. Играйте, детки!

– Нюхай, Шарик, нюхай, – бормочу я, тыча рукояткой ножа между жвалами и пористым наростом – предположительно органом обоняния. – Нюхай, ну!

Жвалы клацают, но я успеваю отдернуть руку.

– Я не сказал «хватай», я сказал «нюхай». А теперь – апорт! Взять!

Швыряю нож абы как. Даже если он угодит в живую стенку помещения не рукояткой, а острием, кораблю это не повредит. Вероятно, нож даже не вонзится, а просто отскочит.

Так и есть.

Шумно сопя, Двускелетный лихо разворачивается на месте – маневренность у него что надо – и бросается за добычей. Клац – нож уже в жвалах.

– Апорт! Сюда тащи! Апорт, Бобик!

Двускелетный семенит ко мне, предвкушая удовольствие: сейчас моя роль в игре состоит в том, чтобы отнять у него нож-пилу, а его задача – не отдать. Жвалы у несмышлениша мощные, как гидравлический резак. Нож сработан из очень хорошей стали и только потому еще цел. Но у рукоятки вид плачевный.

– Фу, Полкан, фу! Отдай...

Мне удастся поймать рукоятку, и мы тянем в разные стороны. Двускелетный сильнее. Мотает башкой, урчит от восторга и пятится. Я юзом еду за ним по полу. Внезапный рывок – и рукоятка выскальзывает из потной ладони. Слабоумное дитяtko вне себя от радости – перевернулось на спину и молотит в воздухе лапами, не разжимая, однако, жвал. Вот урод.

– Эй, Кабысдох! На что тебе нож? Верни владельцу.

Он тешится еще минут пять. Затем следует внезапный вздрог, и я едва успеваю увернуться. Вращающаяся в полете полоса стали совершает воздушное путешествие, проносясь в опасной близости от моего лица и отскакивает от дальней стены.

Вернул все-таки. Умница. Что я без ножа? Ни постричься, ни побриться, ни ногти обрезать. Лезвие хорошо держит заточку, и не надо просить корабль вырастить для меня наждачный брусок.

Я подбираю нож, а Двускелетный чего-то ждет. Ну чего тебе? Моя-твоя не понимай. Поиграли – хватит.

Его бросок стремителен. При тройной тяжести семенящий бег на коротких лапах – то, что надо. Жираф сразу переломал бы себе ноги.

Клац! Я снова без ножа. Вздрог – нож опять летит куда-то, а Двускелетный, сомкнув жвалы, тычется в меня головой. Его толчки становятся все настойчивее. Чего тебе, уродец? Никак хочешь поменяться ролями – чтобы ты, значит, метал, а я, значит, бегал?..

А ведь он точно этого хочет... Апорт, Тим!

Ага, сейчас! Еще хвостом повиляю. Уйди.

Не знаю, плакать мне или смеяться. Рыдать от бессилия что-либо изменить или злобно хохотать над чужаками – как опекунами, так и их подопечными. Правда, все это я уже проделывал не раз и не десять. Может, для разнообразия повыть на Луну?

Нет Луны. Возможно, корабль мне ее покажет, если я попрошу, но ведь рядышком я увижу более крупную горошину Земли. Увижу, зная, что с нею произойдет менее чем через месяц.

И тогда я точно завою. Вот только для корабля мой отчаянный вой ничуть не лучший аргумент, чем шорох мыши или стрекот кузнечика. А разве шум леса мешал кому-нибудь наломать дров?

Двускелетный шумно возится, кажется, собираясь устроить под меня подкоп. По-моему, он не отстанет. Ну что тебе, образина? Все-таки хочешь продолжить игру? Уверен? «Что наша жизнь? Игра!» Не помню, чьи слова, но это о нас с тобой. Понял, уродина? Вижу, понял...

Ага, так я и побежал на карачках... Сам бегай. Ладно, уж так и быть, я принесу тебе нож, но только своим способом. Через Вязкий мир путь ближе. Кому-то он наказание, а мне – краткий отдых.

Там хотя бы тяжесть нормальная.

5

– На ольховом дыму все же лучше, – тоном знатока сообщил Гриша Малинин, подбросив в дымящий костерок охапку колючих, словно рыбы скелеты, можжевельных веток. Застреляли искры. Клуб дыма рванулся было вверх, но одумался и втянулся в дымоход коптильни, что от него, собственно, и требовалось. Окутал висящие над жерлом куски мяса.

– А на можжевельном что, хуже? – спросил дядя Лева и закашлялся, глотнув ненароком дыма.

Никто не поддержал тему. Из десяти человек, греющихся возле ноды, разложенной на очищенной от снега площадке возле действующей коптильни, тема заготовки мяса интересовала сейчас только Гришу.

– Ну ясное дело, хуже! Хотя, по правде сказать, ненамного. Тут некоторые и на березе коптят, а в ней, между прочим, до Первомаери дегтя. Возгонка идет.

– Ты проверял? – спросил, откашлявшись, дядя Лева и полез тереть заскорузлым пальцем слезящиеся глаза. – Умный больно. Ты химик?

– Чего тут химичить? На вкус не чувствуется, что ли? Ольха нужна.

– Нет ольхи, всю извели. Гурман. Неймется тебе, так сходи за излучину, там ольха еще есть.

– Ага! – обиделся Гриша. – В такую погоду? Мечтаешь, чтобы я заблудился? За излучиной родники и лед слабый. По-твоему, нас слишком много, да?

– А по-твоему, кто-то другой должен идти, потому что ты любишь вкусно пожрать?

– Да нет, я так, – сменил тон Гриша. – Скучно же. Поговорить не с кем и не о чем.

– Тогда спи, – посоветовал дядя Лева. – Хочешь, в землянку иди, хочешь – прямо здесь. За мясом я послежу.

– Надоело спать. После смерти выспимся, а повезет – так в шахте. Чем еще там заниматься?

– Вот там и наговоришься всласть... если взрывная волна тебе свод на голову не уронит. Ты коры, коры побольше в огонь подбрось. Дыма мало.

– Хватит дыма, – простуженным басом сказал Тамерлан. – Дышать нечем. Настоящий городской смог, ей-ей.

– Ха, городской! – немедленно отозвался Гриша и все-таки подбросил в костерок немного тальниковой коры пополам с мелко нарубленными сырыми ветками. – Ты городской смог когда-нибудь нюхал? Так, чтобы настоящий?

– В кино видел.

– Ага, в кино! В историческом фильме небось? Бабское вранье. Не было никогда никакого смога.

– Это почему же не было?

– Потому что миф это древнегреческий! Ну ты сам посуди: вот, скажем, ты оказался у власти. Да-да, именно ты. Или он, или я, или вот они... – Гриша замахал руками, указывая то на дядю Леву, то на Тамерлана, то на Ваню Динамита с Гойко Молотилкой. – Мы что, полные кретины? Нам что, надо всего побольше и даром? И за это мы готовы потравить все на свете и сами дышать всяким дерьмом? А после нас хоть потоп, да?

– Так насчет потопы – это мужик сказал, и как раз облеченный властью. Король вроде.

– Ерунда! Это его шлюха сказала, а она безмозглая была, потому что бургундское тянула, как помпа. Пропила мозги. Ее так и прозвали – Помпа Дура.

– Ты это где вычитал? – поинтересовался дядя Лева.

– Между строк! Уметь надо. Бабы нам врут, и дураки уши развешивают, а умные люди подвергают все сперва сомнению, а потом анализу...

– Может, поделишься опытом, аналитик? – Дядя Лева прищурил глаз. – Обучи методу, а?

– Да запросто! – Разгорячившийся Гриша не почуял сарказма. – О ней вот что написано: уродина, притом костлявая. Померла опять же еще не старой. Умному достаточно: хронический алкоголизм! А тому парню, королю, прямая выгода, коли не брезглив: накачал эту Помпу вином – и раскладывай ее как хочешь, ей уже все до Первоматери. Он над нею шутки шутил: напоит ее вдрабадан, нальет ей в тарелку вместо супа воды с лягушками, прямо из пруда, так она их ловит и ест – во, думает, какие фрикадельки шустрые... Не веришь?

– Верю, – сказал дядя Лева, пряча усмешку. – Кстати, о лягушках. Ты за мясом смотришь, мифотворец?

Гриша потрогал мясо.

– Не, еще рано. Пусть повисит.

– Тогда иди еще веток наломай. Далеко не отходи, но и быстро не возвращайся. Осознал задачу?

– Нет.

– Надоел, – пояснил дядя Лева. – Балаболка. Иди, иди. В ушах от тебя звенит.

– А почему я?

– Потому что правило забыл: о хлебе, соли, выпивке и раскладывании баб – молчок. Был уговор? Был. Шагом марш.

Обиженно кряхтя, Гриша поднялся с подстилки из лапника, кряхтя, перелез через сугроб и скрылся из виду. В последние месяцы он все делал кряхтя – никак не мог приспособиться, хоть и был самым молодым среди беглецов. Остальные, кто выжил, давно заматерели, привыкли к таежной жизни, обросли дремучими бородами и органично вписывались в окружающую среду. Выдержали лютую зиму, и это главное. А весны не увидят. Весна в эти края приходит в конце апреля, и увидит ли ее хоть кто-нибудь – большой вопрос.

Третий день держалась оттепель. С хвой капало в просевшие сугробы, а иногда с какой-нибудь грузно провисшей под тяжестью снега пихтовой лапы с шумом рушился подтаявший пласт. Мокрая овчина непогоды плотно легла на тайгу. Облака прекратили бег, прижались к земле, смешались с туманом. Мир съежился. Видимость – двадцать шагов.

Хорошо еще, что догадались заготовить впрок большой запас топлива. Очень пригодилось. В такую погоду инстинкт самосохранения не велит далеко отходить от лагеря, а все сушины поблизости давным-давно спилены. В промерзлом зимнем дереве почти нет соков, и, спиленное сонным, но живым, оно может дать пищу обычному костру «шалашиком», а все же не нодье.

Пора бы снова на охоту – добыть кабанчика, а то и лося. Можно взять и медведя, если отыщется еще одна берлога, благо, опыт уже есть. Из того, что добыли на прошлой охоте, уже почти все засолено и прокопчено. Нужно заготовить много мяса, очень много, не брезгуя ни волком, ни филином, ни росомарой. Все сгодится. Зайчатина и тетеревиная – ну, это просто деликатес. Оружия достаточно, боеприпасов пока хватает. А попробуй выйди на промысел, когда ни зги не видно! Ясно, что ничего не добудешь, да еще вернешься ли сам? Сомнительно.

Зато вероятность, что в такую погоду над головой протарахтит, буравя ротором воздух, вертушка, – ноль целых ноль десятых, а значит, можно не слишком прятаться. Вполне позволительно разжечь нодью и поваляться возле нее на подстеленных еловых лапах. Тут и спать можно. Даже лучше, чем в надоевшей землянке на надоевших полотах под вечным пологом сизого дыма, лениво вываливающегося через продух в кровле.

Оно, конечно, пролетающий над облаками самолет, оснащенный тепловизором, засечет нодью куда надежнее, чем коптильню или топящийся очаг в землянке, – ну так что же? Засечет, значит, судьба. И еще не факт, что печальная: мало ли кто ночует в тайге, совсем необязательно беглые эксманы. Кто вообще станет организовывать поиск с воздуха? Чего ради?

А если даже организуют поиск и правильно идентифицируют цель, то еще вопрос, постараются ли обязательно уничтожить горстку беглых. В прежние времена – конечно, постарались бы, не о чем и говорить. Теперь, надо думать, пренебрегут – нынче у них иные проблемы.

То есть одна проблема. Проблема охотника, который вдруг обнаружил, что стал дичью. Разве промысловик будет продолжать выпцеливать белку, если сзади на него навалился медведь? Это же нужно иметь какое-то совсем уж извращенное, но пламенное чувство справедливой ненависти, чтобы оставшиеся двадцать восемь... нет, уже двадцать семь дней посвятить одной цели: добиться, чтобы эксмены-преступники погибли раньше всего человечества – пусть на сутки, пусть на час, но раньше!

Логика успокаивала, пыталась убаюкать. Однако Лев Лашезин лучше, чем кто-нибудь другой из десяти беглецов, знал, как опасно доверять логике, когда имеешь дело с людьми. Когда прячешься от людей. Когда вопреки всему поставил перед собой задачу выжить и ради этого стараешься не упустить ни единой мелочи.

Не надо грести против течения. Но и отдаваться на его волю тоже не следует. Не щепка.

Сначала течение взяло верх. Обкусывая грязные ногти, Лев Лашезин вспоминал, как это было и чем кончилось. Завод космической техники лихорадило, полным ходом шли стендовые испытания новой боевой капсулы «Жанна д'Арк» и, невзирая на закономерные сбои и постоянные доводки и доделки изделия, цеховое начальство требовало еще и еще готовых блоков. Впрок. На складах не хватало места. Старые спецы предрекали, что ничего путного из затей с новой капсулой не выйдет: слишком поздно за нее взялись, не хватит времени довести изделие до ума, не говоря уже о конвейерном производстве, для которого недавно отгрохали чудовищной величины цех. Добавили рабочих мест, смены наладчиков увеличили с двенадцати до четырнадцати часов, а затем и до шестнадцати при одном выходном дне в месяц. Потом отменили и выходные. Скорее! Скорее!

Тех, кто терял сознание или начинал заговариваться, объявляли симулянтами. Перегреваясь, выходили из строя измерительные приборы. Летняя жара и отсутствие кондиционирования в помещении очень этому способствовали. Несколько техников-наладчиков были обвинены в сознательной порче оборудования и отданы под трибунал. Производительность труда, однако, не выросла.

Она и не могла вырасти – давно уперлась в естественный «потолок». И на заводе космической техники имени Савицкой, и повсеместно. Человечество могло напрячь до предела лишь те силы, что имелись у него в наличии. Нельзя заставить работать мускул, которого нет.

В августе по заводу поползли слухи о раскрытии нового «заговора саботажа» и очередных репрессиях. Только этой малости и не хватало для бунта.

И бунт случился – отчаянный, бессмысленный и мгновенно подавленный. Было убито два человека и больше сотни эксменов. По эксменскому персоналу прошли «частым гребнем»; освободившиеся рабочие места заполнили мальчишками, выпихнутыми из профучилищ ускоренным выпуском. Даешь продукцию! Поставим на конвейер «Жанну д'Арк»!

Лев Лашезин и Гриша Малинин попали в «вычески». Поскольку сами они не принимали никакого участия в кровавой вакханалии, что и было доказано, трибуналу оставалось только поставить им в вину не оказание помощи руководству в деле подавления беспорядков и приговорить отнюдь не к ликвидации, а всего-то к пяти годам трудовых лагерей в местах с неблагоприятным климатом. К пяти годам! За семь месяцев до всеобщего уничтожения!

Смеяться в лицо судьям дядя Лева не стал. Какой смысл без толку грести против течения?

В таежном лагере, вдалеке от населенных пунктов, в лагере, куда можно было добраться либо по воздуху на вертушке, либо баржей по воде, в лагере, где заключенные когда-то только и делали, что валили лес, а теперь в две смены углубляли и расширяли грандиозное подземное убежище для настоящих людей, Лашезин понял, что мир тесен: здесь он неожиданно встретил Руслана, Гойко и Ваню. Бывшие соратники по подполью ютились в другом бараке и работали

в другой смене, но все равно это был подарок судьбы. Момент истины наступил, когда дядя Лева рассказал им все, что узнал от Вокульского о Тиме Гаеве по прозвищу Молния, а они сообщили тишком, что готовят побег.

Куда? Зачем? Куда угодно, лишь бы подальше. Грандиозный план гражданской обороны не предусматривал спасения большинства эксменов. Слухи по лагерю бродили разные, в том числе и успокаивающие. Говорили, например, что после завершения стойкости убежища для людей всех эксменов вывезут баржами за пятьсот километров вверх по реке, где уже создаются убежища и для них. Для этого, правда, требовалось успеть завершить все работы до конца навигации. Особенно рьяно эта версия поддерживалась бригадами и старостами баржков.

Здравый смысл говорил иное. Какие убежища? Кем создаются? Да, всех эксменов совершенно необходимо убрать отсюда, а равно и вывезти все оборудование и материалы до последнего гвоздя включительно. Как можно дальше! Смотать колючую проволоку, выдернуть кольца, разрушить вышки, бараки и причал, побросать в реку все, что та может унести, и, конечно, все, что тонет. Лишить чужаков видимых целей, не оставить на поверхности вблизи убежища никаких предметов, свойственных цивилизации, включая сюда и выполнивших свою функцию эксменов. Какой вариант предпочтительнее: вывезти их подальше и рассеять по тайге – или ликвидировать, уничтожив трупы? Вопрос. Одно проще, другое надежнее...

Дядя Лева предполагал, что будет выбрана надежность. Когда о чужаках известно недостаточно много, чтобы знать точно, в состоянии ли они обнаружить замаскированное подземное убежище, лучше подстраховаться. Вероятно, десять тысяч заключенных лагеря действительно подлежали вывозу в последние дни навигации. Но вслед за тем они подлежали ликвидации, чтобы кто-нибудь из них, слоняясь по тайге, ненароком не вызвал на себя антипротонный плазмод прямо над объектом гражданской обороны. Энергия полной аннигиляции пятидесяти килограммов изможденного тела более чем достаточна для уничтожения любого объекта, спрятанного под гранитной толщей.

Массовый бунт был заранее обречен. Побег небольшой группы – возможен.

Сначала их было семнадцать. Ах, как не хватало Тима Молнии с его умением телепортировать! Даниил Брудастый по прозвищу Крокодил получил штык-нож в живот за мгновение до того, как сломал караульной резервистке хлипкую шею. Выстрела не последовало: в охране лагеря не числилось профессиональных военных, а наспех подученные резервистки плохо знали свое дело. Завладев оружием, шестнадцать эксменов ушли в тайгу. К исходу суток их осталось уже тринадцать, но они оторвались от погони. Шли неделю, держа курс на восток, избегая пустошей, обходя гиблые болота, боясь развести огонь, боясь подстрелить дичь, питаясь одними ягодами, отдавая себя на съедение гнусу. Ночью сбивались в кучу и так грелись.

Лашезин знал: многие в те дни, а особенно ночи мечтали вернуться назад. Он и сам мечтал. Лучше ликвидация, чем такие мучения. Никто не признался в этом вслух, но напряжение и раздражительность росли с каждым часом. То и дело вспыхивали ссоры. Витус Смертельный Удар из-за пустяка подрался с Гойко Молотилкой, и то, что они вытворяли друг с другом, нимало не походило на красивую, но почти безопасную возню на ринге в шоу Мамы Клавы. Разнять их удалось только под угрозой оружия, и то не сразу. В тот же день – шестой, кажется – пришлось отбиваться от волчьей стаи. Выстрелы уложили четверых хищников, остальные растаяли в тайге, но не ушли далеко. Серые силуэты мелькали и справа, и слева, и спереди. Стая ждала ночи.

В сумерках пришлось зажечь костры. С убитых волков содрали шкуры, мясо резали ломтиками и жарили на палочках. Из тьмы глядели желтые светляки – попарно. На ночное нападение стая не решилась и к утру расточилась без следа.

Теперь пошли смелее – чего уж там, лучше рискнуть, чем подыхать! – и на восьмой день вышли к совсем другой реке. Два топора и ржавая двуручная пила, прихваченные из каптерки и сбереженные во время бегства, оказались как нельзя кстати. Старые лагерники оказались

умелыми вальщиками леса. Еловые бревна скатили к воде и кое-как связали в плот – громоздкий, неуклюжий, непрочный, но вполне грузоподъемный.

Удивительно, но план побега в целом выполнялся. Удалиться от лагеря и вообще от всяких следов цивилизации на максимальное расстояние и в кратчайший срок можно было только водой. Река близ лагеря для этой цели никак не подходила – обнаружение сплавляющейся по ней преступной банды эксменов было бы лишь вопросом времени. Патрули на катерах и вертушках. Несколько поселков ниже по течению. Судоходство, пусть и вялое. Шансов исчезнуть – ноль.

Они не знали, как называется эта, другая река. Заключенным не положено интересоваться географией прилегающей к лагерю местности. Лагерная мифология заменяла знание, чертежи прутиком на песке – карту. Хвала мифам, дарующим решимость действовать! Вдвойне хвала мифам, не сильно отличающимся от реальности!

Плот трепало на перекатах. Расползающиеся бревна подвязывали полосами, нарезанными из волчьих шкур, лагерных роб и бушлатов. Ломались шесты. Чудо, что никто не утонул, когда неуклюжее сооружение, вынесенное на каменный клык, издало ужасающий треск, накренилось и вывалило в пенные буруны сразу пятерых, причем ни один из них не умел плавать! Первые дни на воде оказались кошмаром.

Потом река приняла справа большой приток и успокоилась. Теперь плыли больше ночами, а днем отстаивались, укрыв плот в какой-нибудь заводи под пологом ветвей и проклинавшая ясную сентябрьскую погоду. Вот уж воистину бабье лето – только им и на руку! Дважды слышали вертушку. Наконец зарядили дожди, серое морозящее небо опустилось к самой воде, и плыть днем стало безопасно.

На север, на север! Туда, где нет никого, где и эксмены – тоже люди! Короткие дни, длинные ночи. Плеск воды. Скрип плота. Искры первого снега, гаснущие в темной воде. Сырость и холод.

Свобода! Пела ли душа, ликовала ли? Ой, вряд ли. Лев Лашезин мог припомнить несколько случаев, когда его посещала радость, но счастье он не испытал ни разу, это точно.

А остальные? Филимон Передонов, чахоточник и доходяга, еще в лагере все уши прожужжал, будто знает, как сшить плот без веревок и гвоздей, «в кривую лапу», а на деле оказался негоден даже на то, чтобы сшибать топором сучья с заваленных лесин. Знать, врал, гад, чтобы взяли с собой, протасили сквозь тайгу, не бросили на прокорм волкам. Филимону с охотой накостыляли по шее, а он только ползал в ногах, плакал и молил: «Бейте меня, еще бейте, не бросайте только...»

Ну, пожалели, не бросили. И что? Все равно он помер от кровохарканья еще в начале зимы. И что-то не было заметно, чтобы он был шибко счастлив от осознания того факта, что помирает свободным. Тосковал, мечтал дожить до весны... Может, и дожил бы, не пустился он в бег. В лагере хотя бы больничка была и фельшеры совсем не изуверы...

А был ли счастлив Витус Смертельный Удар, когда уходил под лед, провалившись посередине реки? А Костя Смяткин, не вернувшийся с охоты, сгинувший неведомо где? Ну, мертвые – ладно... А те десять из тринадцати, что выжили, – счастливы ли?

Нет, свобода еще далеко не счастье, она только средство. Универсальное, надо сказать. Куда повернешь, туда и выстрелит. Кого прикроешь, того и защитит. И есть подозрение, что учиться обращаться с этим средством нужно с детства, а если начал с седой бороды, то обладать им, конечно, сможешь, и сохранить его сумеешь, если постараться, а вот грамотно применить – только случайно.

Удивительная вещь: большинству людей свободы всегда мало, а ведь свобода одного есть также средство отъема свободы другого. Быть может, в этом и состоит главная ее функция?

Разговор у нодьи не клеился. Вернувшийся Гриша – дежурный коптильщик – тоже при молк и, нахохлившись, следил за процессом копчения, подбрасывая в огонь то сухих щепок,

то сырых ветвей из только что принесенной охапки. Кто-то храпел. Кто-то кашлял. Кто-то яростно чесался, запустив руку под прикрывающие тело шкуры, и сдержанно подвывал от наслаждения.

Дядя Лева тоже поскреб в бороде. Грязь и короста. Хорошо еще, что вшей ни у кого нет, – в лагере исправно действовали и баня, и прожарка, да и дезинфекция бараков проводилась вовремя, по графику. У баб с этим строго. Ты, эксмен, куда менее ценен, чем они, но и у тебя есть свое законное место в обществе и кое-какие гарантированные права. На труд с оплатой, на жилье, на медицину и так далее. Даже на защиту от женской преступности. И пусть половина прав существует лишь в теории – вторая-то половина совершенно реальна! Право на санитарию, например, вполне осязаемо даже в лагере, зато неосязаемы вши.

Так что там насчет свободы? Свободу от каторжного труда не обрели, как ни старались. Свободу от вшей имели и так. Свободу от унижения? А необходимость прятаться не унижает? Свободу перемещения? Ну иди в тайгу, коли ты такой свободный, волки будут рады. А может, прав был старый привратник Вокульский, вслед за каким-то древним философом утверждавший, что свобода всегда внутри, а не вовне, и полагавший себя свободным и в рабстве?

С какой стороны ни взгляни теперь, а получалось, что без свободы жилось лучше, даже в лагере. Уж комфортнее – совершенно точно. Прежде из мест заключения бежали самые отпетые, с левой резьбой в голове. Жизнь нелегала отнюдь не сахар и, что важнее, не оптимальна в смысле продолжения борьбы. Перспектива – вот что давало силы примеряться к обстоятельствам. Нет перспективы – и нет ничего, кроме свеженарезанной левой резьбы да фиги, мучительно просящейся вон из кармана.

Так что же было завоевано голодом, потом и кровью? Неужели завоевана только свобода умирать без обязательных к исполнению указаний, как это надо делать, и притом не на коленях?

Да, пожалуй, только она одна. Свобода решать за себя самим. Но ведь почти все принятые решения однозначно диктовались обстановкой, а иных разумных вариантов попросту не было...

Совершить марш-бросок по тайге. Построить плот. Плыть и плыть. Куда? В Ледовитый океан? Разумеется, нет. Положиться на удачу, что-то искать и что-то найти. Близ одного из биваков глазастый Гриша высмотрел в лесу остатки грунтовой дороги. Наверное, ею не пользовались лет пятьдесят, если не сто. Местами корни деревьев раздвинули слой щебня, повсюду разрослись мхи и даже ягодники, но она все же прослеживалась. Грунтовка вывела к заброшенному руднику. Судя по всему, в нем когда-то добывали медь, но месторождении давно истощилось и было брошено. Здесь Лев Лашезин впервые испытал нечто похожее на чувство признательности настоящим людям за хозяйский женский подход: почти все было демонтировано и вывезено. Бросить неисправную технику, чтобы почем зря ржавела? Ни в коем случае! Было демонтировано все, что поддавалось демонтажу. Осталась всякая мелочь, давно превратившаяся в труху, да с трудом угадывались руины развалившихся от ветхости деревянных строений.

О таком подарке фортуны никто и не мечтал. Шахта! Подземное убежище! Забытое и не включенное в план гражданской обороны! И практически никаких следов деятельности человека на сотни километров вокруг!

Спуститься в центральный ствол удалось метров на триста, а может, и на четыреста – кто их считал? Только самые нижние штольни оказались затопленными.

Запустение. Мертвенный, стылый воздух. Гулкие своды. Паутина штреков и штолен в непроглядной тьме. Зеленые медистые натеки, влажно отливающие в свете факелов. Кап! – вода за шиворот. Ржавые, шатающиеся, как больные зубы, скобы в аварийных лазах. Ни опустить клеть, ни наладить освещение, не говоря уже о принудительной вентиляции. Подъемные механизмы, элеваторы, малая электростанция на дровяном топливе – все исчезло. Не курорт. Для тех, кто еще не приобрел ревматизма, – шанс исправить упущение.

Зато появился еще один шанс, который невозможно вычислить, – шанс выжить, пусть и с ревматизмом, когда все вокруг полыхнет...

Если взрывная волна от исчезнувших городов не расколется Землю, как орех. Если выдержат своды. Если к тому моменту, когда будет доеден последний кусок копченого мяса, наведенная радиоактивность на поверхности снизится до приемлемого уровня. Уравнение со многими неизвестными. Какие изотопы – долго- или короткоживущие – и в каком количестве родит бешеное излучение аннигилирующей материи, не знал никто.

А впрочем, если земной цивилизации предстоит погибнуть до последней особи, не лучше ли оказаться самыми последними? Игра стоила свеч. Попытка муравья выжить под асфальтовым катком, может быть, и бессмысленна, и фаталист обязательно назовет ее глупой возней, но сидеть сложа руки и ждать еще глупее.

Выжить зимой в тайге близ Полярного круга под волчьи рулады и небесные сполохи – задача номер раз. Выжили. Даже убереглись от цинги, успев до снегопадов собрать на болотинах тронутый морозом клюквы. До начала катастрофы по максимуму оборудовать убежище для долгой отсидки – задача номер два. Почти сделано, несмотря на морозы и вьюги. Ну и, конечно, третья задача – запасти побольше провианта и суток за двое-трое до начала спустить его вниз, дотащив до шахты волокушами по снегу, благо, в этих краях снег конце марта лежит себе и не думает таять.

Две лосиных туши. Пять кабаньих, считая мелкого подсвинка. Одна оленье. Семь волчьих. Дюжина глухарей и тетеревов. Два зайца. Это богатство почитай уже все закопчено под длительное хранение. Есть еще две росوماхи, одна рысь, один белый, как снег, филин с вытаращенными глазницами и с десятков ворон – этот резерв пока прикопан в снегу и будет пущен в разделку и копчение, если погода и завтра не позволит добыть более пристойную пищу.

Мясные копчушки надоели всем и давно. Клюкву свирепо экономили. И если изредка все-таки удавалось сварить суп по дикарскому канительному методу путем подкладывания в бурдюк раскаленных камней, то о хлебе и соли оставалось только мечтать, сглатывая слюну. Как ни странно, ни пива, ни самогона, ни технического спирта дяде Лева не хотелось, зато рисуемая воображением корочка хлеба, присыпанная солью и толченым чесноком, доводила до умоисступления. Гриша Малинин по глупости брякнул о бабах, а дядя Лева, напомнив ему про зарок насчет хлеба, соли и выпивки, сейчас ругал себя сам.

Себе напомнил! Всем напомнил! За такое и старший может схлопотать по рожке, что только справедливо: дожил до седой бороды, так будь умным!

Оставалось лишь, сменив тему, замазать оплошность, и чем гуще, тем лучше.

Спросил о наболевшем:

– Вокруг шахты точно хорошо вычистили?

Когда-то – тысячу лет назад или минувшей осенью? – он требовал, чтобы жерло шахты было как следует замаскировано, а поблизости не осталось ничего похожего на творение рук человеческих. Сам шарил по кустам, как ищейка. Рылся в отвалах породы, в помойках. За просмотренный ржавый гвоздь был готов убить. Лазаю всюду, по глупой случайности сверзился в яму, подвернул ногу и в дальнейшей чистке местности участия не принимал. Сколько было той «дальнейшей» чистки! Один день. Потом повалил снег, уже не первый, и на сей раз не стоял.

– Точно, точно, – проворчал Гойко. – В сотый раз пытаешь. Плохо ли, хорошо ли – теперь не поправишь. По-твоему, чужаки умеют видеть сквозь снег?

– Когда полыхнет, снег растает или вообще испарится, – объяснил дядя Лева.

– Может, мелочь какую и пропустили, – пожал плечами Гойко. – Главное – фундамент. По сравнению с ним...

Да, от здания, возывшавшегося некогда над шахтой, остался бетонный фундамент – вросший в землю, потрескавшийся, обомшелый, но все равно до жути рукотворный. Разрушить его никто и не пытался.

– Если ударят по фундаменту, нам труба, – подчеркнул очевидное дядя Лева. – Будем надеяться, что не ударят. Я все-таки думаю, что они станут бить избирательно...

– Это почему? – спросил маленький, похожий на бородатого гнома Прон Халтюткин. Как ни странно, именно он был лучшим добытчиком, хотя до побега ни разу не прикасался к огнестрельному оружию. Но там, где другие тратили два патрона, он тратил один. Кроме того, он был на диво глазаст, феноменально терпелив и, благодаря малому весу, легче двигался по насту.

– Энергетика, – объяснил Лашезин. – Будем считать? Суммарная живая масса человечества – уже полмиллиарда тонн, верно? И на каждого человека приходится тонны и тонны всевозможных механизмов, строительных конструкций, пищевых запасов и так далее. Я думаю, десять триллионов тонн на круг – очень заниженная оценка, но пусть будет десять триллионов... У меня вопрос: где чужаки возьмут эквивалентную массу антиматерии для полной аннигиляции всего, что связано с человечеством? Вытащат из соседнего пространства? Переработают астероид? Насосут из пространства космической пыли и опять-таки перелопатят в антивещество? За счет каких ресурсов, позвольте спросить?

– Что мы можем знать об их ресурсах? – возразил Прон.

– Немногое, – согласился дядя Лева. – Тут, скорее, вопрос веры и здравого смысла, нежели точного знания. Зато Тим сообщил нам кое-что об их мотивации. Потешить дитяtiu – пожалуйста! Но кто ради этого станет выкладываться на всю катушку? Удары будут нанесены только по крупным целям, это я вам говорю. Причем ихние антипротоны по идее должны аннигилировать еще в атмосфере. Погубить цивилизацию чужаки погубят, можно не сомневаться, а вот переводить все созданное человеком барахло в излучение – ненужный труд. Подопечные дебилы и так будут довольны. Кроме того, неясен вопрос идентификации. Как они извнеземного пространства собираются различать бетон и горную породу, металл техногенный и металл самородный? Я не знаю. Если в реке обнаружены стоки промышленных предприятий – надо испарить всю реку? Что-то мне в это не верится.

– При чем тут тогда тот фундамент? – морща лоб, пробубнил Гойко.

– А чтобы не расслаблялись, – пояснил дядя Лева. – На здравый смысл надейся, а дураком не будь, вредно это...

Он говорил и говорил, в очередной раз давая своим людям накачку. Своим? Трудно сказать. Как ни странно, четко выраженного лидера среди беглецов до сих пор не обозначилось. Правда, большинство все же слушалось его, Льва Лашезина, признавая за ним возрастной авторитет, необычайно обширные для эксмена знания, опыт подполья и личное знакомство с легендарным Тимом Молнией. Дядя Лева редко приказывал – чаще просил по-человечески, и это давало результаты. Но назвать себя предводителем он не мог.

Наверное, это было плохо. Но все же за зиму не произошло ни одной кровавой стычки, и группа не развалилась. Накапливающееся напряжение всегда удавалось сбрасывать. Чего же еще?

Дать надежду – обязательно. Призвать в союзники логику. Нельзя же, в самом деле, думать, что чужаки попытаются подвергнуть аннигиляции все человеческое – от бетонных конструкций до покойников в могилах, от асфальтовых дорог до окольцованных птиц! Уничтожить цивилизацию – это иное. Данная задача выполнима с гораздо меньшим расходом энергии.

Дядя Лева рассуждал вслух о плане гражданской обороны, реконструированном им из обрывков сведений, добытых еще в той, прежней жизни. Кое-что домысливал сам. В общем и целом, план представлялся ему разумным.

Спасать эксменов? Разве что элитных производителей, лучших спермодоноров, да и то в последнюю очередь. Рациональный план должен предусматривать использование рабочей силы эксменов на строительстве убежищ, переносе промышленности под землю, уничтожении ненужного на поверхности, и только.

Крупные города – бросить; мелкие населенные пункты – срыть до основания, по возможности захоронив обломки строительных конструкций. Сбросить в реки мосты, спустить водохранилища, разрушить шлюзы, закопать каналы. Значительную часть торгового флота затопить в неглубоких местах – чтобы было нетрудно поднять впоследствии. Особо ценные суда специального назначения сгруппировать в таких акваториях, где цунами не натворит больших бед. В старых шахтах и естественных подземных полостях, непригодных для размещения людей, спрятать новейшую и надежнейшую технику возможно более широкого спектра применения. Расконсервировать древние подземные заводы и ракетные шахты, какие еще целы; в надежнейших местах укрыть архивы, научное оборудование и запасы биологического материала для скорейшего воспроизводства рода человеческого. Не надеясь на запасы органического топлива, воссоздать глубоко под землей давно забытые ядерные реакторы. Отдельно позаботиться о связи, сохранить единую Сеть – изоляция убежищ должна быть какой угодно, только не информационной. Утилизировать ненужное старье. Что невозможно быстро вернуть в природу, то вывезти в океан за пределы континентальных шельфов и утопить, оставив на земной поверхности как можно меньше материала для аннигиляции...

А что делать с ровными квадратами полей, засеянных монокультурами? Цель они для чужаков или не цель?

И главная беда: всех людей укрыть в надежных убежищах никак не удастся. В Славянской Федерации с плотностью населения еще так-сяк, и задача в принципе решается, а как быть со спасением людей, скажем, на полуострове Индостан, что прилепился к Евразии, как переполненное вымя? А в Китае? Согласятся ли правительства недонаселенных суверенных территорий на массовую иммиграцию с территорий перенаселенных? Ой, вряд ли...

И потому Лев Лашезин в очередной раз внушал товарищам бодрую мысль: сейчас они в большей безопасности, чем большинство людей на планете, – над ними не тяготеют ни политика, ни конкурентная борьба за выживание. Им придется противостоять только катаклизму – не людям. Не будем дураками, так выживем!

О многом приходилось умалчивать, надеясь, что сами не догадаются. Например, о том, что энерговыделения на поверхности и над поверхностью вполне хватит для полного таяния антарктических и гренландских ледников. Ледовитый океан вряд ли пригонит могучее цунами, но он придет сюда сам, важно разольется по тайге и почти наверняка затопит шахту. Да если бы только это!..

Дядя Лева понимал, что о многих факторах он даже не догадывается. Зато он твердо знал главное: правду надо дозировать куда строже, чем ложь. Иной раз и невежество бывает во благо. Если все будут знать всё, жизнь на планете прекратится очень быстро и притом без всякого вмешательства со стороны.

6

Все на свете здания объединяет одно: они возводятся для борьбы со стихиями и законом всемирного тяготения, зловредно норовящим снивелировать земную поверхность. Всех их роднит наличие фундамента, стен и крыши, в подавляющем большинстве их перекрытия прободены всевозможными трубами, шахтами лифтов, вентиляционными колодцами и электрическими кабелями, одетыми в черную глянецовую изоляцию специально, кажется, для того, чтобы сильнее походить на дохлых гадюк. Скажи «здание» – и воображение обязательно нарисует тебе некую обобщенную конструкцию вполне определенного назначения – терпеть внутри себя людей, поощряя их к менее сиюминутной деятельности, нежели защита от холода и осадков. Смысл у зданий один – но какая разная судьба! Одно стоит тысячу лет, другое попадает под бомбу, идет на снос по ветхости, уничтожается стихийным бедствием, а то и просто разваливается без всякой видимой причины. Черт ли угадает, какую постройку что ждет? И дровяной сарай, скособоченный от рождения и подпертый бревном, может пережить помпезный дворец – уж кому как повезет.

Комплексу зданий на площади Согласия, бывшей Любянке, названной так, очевидно, за большую народную любовь к размещенному здесь учреждению, бесспорно повезло. Со времени Сандры Рамирес главное здание Департамента федеральной безопасности Славянской Федерации не претерпело никаких серьезных перестроек, по крайней мере внешне. Разве что гранитный цоколь украсился табличками, предупреждающими пешеходов о слегка повышенном радиационном фоне, характерном для данных гранитов, и намекавшими на то, что подолгу торчать здесь не след. Но кому придет в голову праздно слоняться вокруг этого здания?

Ольга решительно вошла в назначенный ей подъезд. Тяжелая, как могильная плита, дверь весомо захлопнулась за спиной. Так, куда теперь?..

Пропуск на нее был заказан. И уже через три минуты она входила в дверь, украшенную только номером. Дама средних лет с еще явственными следами холодной красоты, но уже начавшая увядать, подняла голову от настольного терминала. Первым делом Ольга отметила громадные темные круги под глазами на холеном когда-то лице. Затем разглядела сеть морщинок – видимо, недавних. Да, как видно, работе этой дамы не позавидуешь...

– Вострецова Ольга Алиновна?

– Так точно, мэ.

– Меня зовут Евгения Зинаидовна Фаустова, я полковник эф-бэ. У нас есть к тебе несколько вопросов. Садись.

Прямо перед столом, блестя белой эмалью, торчал, как бледная поганка, одноногий металлический табурет, намертво привинченный к полу; сбоку распахивало кожаные объятия уютное мягкое кресло. Куда именно сесть, Фаустова не подсказала. Сейчас же Ольге пришло в голову, что, возможно, выбор клиентом места рассматривается здесь как деталь психологического портрета. «Виновна или нет» – так вопрос, по-видимому, не стоит. «Робеет или нет» – куда ближе к истине.

Ольга выбрала кресло.

Действительно мягкое, расслабляющее. Тем хуже. Но выбрать табурет значит сразу признаться: заранее настроена на бой, напряжена, комфорт неуместен. И тем самым вскрыть свою слабость. Плюхнулась в кресло – либо наивная дура, либо, напротив, объект, достойный внимания.

Мимолетная поощрительная улыбка хозяйки кабинета показала Ольге, что она недалеко от истины.

Допрос – с какой стати? Беседа – это пожалуйста. Вот она я, спрашивайте, но знайте, что содержание разговора я буду вынуждена сообщить своему начальству. Надеюсь, вы видите,

что на мне полицейская форма? Это намек. Если хотите – вызов. Последней, кому удалось на время добиться терпимых отношений между ДФБ и Министерством порядка, была Анастасия Шмалько. Дела давно минувших дней.

– Слушаю, мэ.

– Видела вчера твоё выступление, – начала Евгения Зинаидовна. – Совсем неплохо, даже хорошо. Кофе выпьешь?

– Нет, мэ, спасибо.

– Как хочешь. Давно выступаешь за мытищинский отряд?

– Третий год в команде, мэ. Но раньше, как правило, была запасной.

– И сразу такой успех, – поддакнула Евгения Зинаидовна. – опередила Верхогляд и чуть-чуть не достала Шлейхер. Отчего, как ты думаешь? Везение?

– Было и везение, мэ, – откровенно ответила Ольга. – Да вы же сами, наверное, видели, как я едва не сорвалась на «скакалке». Быть бы мне в хвосте десятки, если бы сорвалась...

– Что все же отнюдь не так плохо, верно?

– Верно, мэ.

– Есть своё кредо?

– Конечно. Я борюсь с Вязким миром, а не с соперницами.

– Любопытно... А если соперницы борются именно с тобой?

– Их право. И, по-моему, их проблемы, мэ. В Вязком мире есть только Вязкий мир, там нет никаких соперниц. Я о них забываю, они мне неинтересны.

– Почему? Аутотренинг?

– Нет. Так было со мной всегда. Зачем усложнять? Телепортация – это единоборство только с Вязким миром. Как мне может помочь или помешать кто-то посторонний?

– Понятно. Ты не командный игрок, верно?

– Э-э... В каком смысле, мэ?

– В широком.

Ольга чуть помедлила с ответом. Вопросы хозяйки кабинета вызвали недоумение.

– В спорте – нет, наверное. А на службе... Мне трудно судить. Во всяком случае, взысканий за плохую работу в группе у меня пока не было. Я думаю, с этим вопросом лучше всего обратиться к моему непосредственному начальству.

– То есть будем считать так: в группе ты работать можешь, если надо. Поставлю вопрос иначе: тебя никогда не привлекали игровые виды спорта? Футбол, волейбол, водное поло?

– Никогда.

– Значит, только сама? Одна на одна против чего-то, что сильнее тебя, так?

– М-м... Я только стараюсь увеличить время, когда сильнее я, вот и все. Нельзя победить Вязкий мир, можно лишь использовать его.

– Надо ли это понимать так, что ты не ставила перед собой цель занять призовое место?

– Не знаю... Нет, я обрадовалась серебру, мэ. Точно, обрадовалась. А цель... Я хотела выступить как можно лучше, вот и все.

– Что ж, похвально, – кивнула Евгения Зинаидовна. – Самолюбие, но не тщеславие. Такой человек, как правило, надежнее и ответственнее, но и хлопот с ним полон рот. Однако при правильном руководстве те, кто, подобно тебе, обладает этим ценнейшим даром в сочетании с умом, хваткой и преданностью делу, могут рассчитывать на быстрый служебный рост. Ты ведь хочешь доказать, что чего-то стоишь, прежде всего себе самой, а не другим, не так ли?

– Не знаю, мэ. Может быть. Я не думала об этом.

– А ты подумай.

Секунду или две Ольга размышляла: чего же все-таки здесь от нее хотят? Ответ не пришел, а недоумение осталось. С кем играет эта кошка – с мышкой? Очень возможно, что она

так и думает. Э нет, меня так просто не схарчишь, и она это уже поняла. Зачем тогда игра? Почему нельзя просто и ясно изложить, что нужно Департаменту от Ольги Вострецово́й?

Стукачество? Это, пожалуй, самое вероятное, хотя нет никакой надобности вызывать человека в это здание ради вербовки. А «кошка»-то выглядит скверно, сразу видно, что недосыпает... Хочется ли ей играть – это еще вопрос. А контрвопрос звучит так: умеет ли она иначе?

– Думаю, что вы правы, мэ. – Ольга вежливо наклонила голову и сейчас же вздернула подбородок. Может, нахамить? Чего, в самом деле, в душу лезут?

Нет, успеется. Сначала надо послушать. А чтобы что-то услышать, приходилось самой отвечать на непонятно зачем задаваемые вопросы о спорте, о семье, об учебе, о планах на будущее, как ближайшее, так и отдаленное... Ольга все меньше понимала, чего же здесь от нее хотят. Намереваются как-то использовать – это бесспорно. Но этот официальный вызов... Хотят перетащить к себе, что ли? Чего ради?

Так и оказалось:

– Как бы ты посмотрела на то, чтобы перейти на оперативную работу к нам в Департамент?

Ольгу словно огрели мешком из-за угла. Оперативная работа! Не нудное патрулирование улиц, не воспитательная канитель с «трудным» контингентом, не разбор визгливых бытовых склок, не развоз по специальным клиникам пьяных и обкурившихся обалдуек, не каждодневные малопродуктивные попытки привить правильные рефлексy упрямым и тупоумным эксменам, не многочасовая скука в оцеплении, наконец! Ну и, разумеется, не спокойная судейская должность с верным куском хлеба на старость, предел маминых мечтаний. Это все не для нее.

Долой будни и мелочевку! Долой придирки к выправке, нагоняи за превышение власти, кляузы «безвинно пострадавших от произвола», оправдательные рапорты, прокурорские проверки, ядовитые нотации Сциллы Харибдовны, чтоб она была здорова! Долой родное отделение, облупленные стены «обезьянника», унылые кабинеты и комнату психологической разгрузки, где на недавно обновленном лозунге «Пользуйся только своим сексатором!» кто-то опять приписал вверху: «Непрерывно». Наконец-то предложена настоящая работа: отслеживание опасных преступников, молниеносные операции по задержанию, решаемые на ходу хитрые головоломки, опьянение риском, быть может, работа, связанная с проникновением в подрывные организации и изуверские секты...

Одно мгновение Ольгой владел восторг, и Евгения Зинаидовна не могла его не заметить.

– Если надо, могу дать тебе время подумать. Но не очень долго. Скажем, до завтра. Годится?

– Прошу прощения, мэ... – Ольга почувствовала, что ее голос внезапно сел. – Я могу дать ответ прямо сейчас. К сожалению... к сожалению, я вынуждена отказаться.

Тонкие брови Евгении Зинаидовны удивленно поднялись, изломившись домиком, морщинки на лбу обозначились резче.

– А мне говорили, что ты имеешь склонность как раз к оперативной работе... Выходит, это не так?

– Это так, мэ. – Ольга кашлянула, голос стал лучше. – Но я не могу.

– Почему?

– Меня дурно приняли бы здесь, и на меня дурно посмотрели бы там, если бы я приняла ваше предложение, мэ, – объяснила Ольга, не вдруг сообразив, что ответила цитатой. Тьфу. А кто виноват? Мама с ее надоевшим «гармоничным развитием личности ребенка» и тщательно подобранными дообновленческими книгами!

– Что ж, это уважительная причина, – молвила Евгения Зинаидовна. – То есть я хочу сказать, что она была бы уважительной, если бы наши ведомства не занимались по большому счету одним общим делом. Скажу более: сложившаяся к настоящему моменту обстановка столь кри-

тична, что малейшую попытку защиты узковедомственных интересов мы будем вынуждены карать беспощадно. Скажу еще более: есть самые серьезные основания полагать, что не сегодня завтра наши ведомства будут слиты в единую мощную и мобильную структуру, где ведущую роль предстоит играть кадрам Департамента. Соответствующее решение будет проведено через Ассамблею со дня на день...

А вот это уже точно было как мешком по голове, причем пыльным. Если госпожа полковник не лгала, а она, по-видимому, не лгала, случилось что-то из ряда вон, и даже не просто из ряда вон, а какой-то катаклизм мирового значения. Что у них там в Ассамблее – вулкан Кракатау проснулся? Или все разом впали в слабоумие? Уму ведь непостижимо...

Евгения Зинаидовна дружелюбно улыбнулась:

– Видишь, я не боюсь заранее говорить тебе о предстоящих преобразованиях. Я не верю, не убеждена – все это не те слова, – я просто знаю, что так и будет. Какой же тебе смысл оставаться в кадрах сугубо подчиненного подразделения, вдали от настоящих дел, так сказать, ехать на прицепе, а? Подумай. У нас ты принесешь больше пользы. Само собой разумеется, твоя работа будет по достоинству оценена. Такой шанс выпадает людям нечасто, уж ты мне поверь. Что ты скажешь о производстве в следующий чин и солидной прибавке к окладу? Это можно будет устроить уже в ближайшие дни, так сказать, авансом...

– Не люблю брать авансы, – Ольга покачала головой, – особенно когда не знаю сути дела. Прошу извинить меня.

– Суть дела... – Поморщившись, Евгения Зинаидовна побарабанила пальцами по крышке стола. – Суть дела можно выразить одним словом: скверно. Или двумя: крайне скверно. Везде, всюду. Очень серьезное положение. Ты ведь не дурочка и должна сама понимать: с бухты-барухты объединять Департамент федеральной безопасности и Министерство порядка никто не станет. Выводы делай сама. Более подробной информацией пока могут располагать только наши сотрудницы...

Пауза вышла весьма многозначительной.

– Жаль, что я не ваша сотрудница, мэм, – вздохнула Ольга. – Я могу идти?

– Еще нет. Если ты отказываешься у нас работать или еще не приняла решение, это дело твое. Во всяком случае оставляю тебе время до завтра – подумать. Предложение пока остается в силе. А сейчас я прошу тебя ответить на несколько частных вопросов... не напрягайся так, они не связаны с твоей профессией. Ты родилась в сто пятьдесят четвертом году, верно?

– Да, мэм.

– В августе сто шестьдесят третьего ты с мамой отдыхала у родственников в поселке Благодном близ Камышина. В конце того же месяца, уже в Москве, ты была помещена в детскую инфекционную больницу номер три. Что с тобой случилось?

– Краснуха, мэм. Я помню, как это было. Продержали три недели в больнице и все время что-то кололи, я ни сесть, ни лечь нормально не могла... Потом выпустили.

– Только краснуха? Тебе не говорили, что у тебя развился постинфекционный энцефалит? Нет? К счастью, он не оставил никаких последствий. Но меня интересует другое: недели примерно за две до твоей госпитализации у тебя начались обмороки, один раз к тебе даже вызывали врача. Если не ошибаюсь, из-за этих обмороков твоя мама благоразумно решила прервать отдых раньше намеченной даты, не так ли?.. С тобой все в порядке? Быть может, воды? Чаю? Кофе?..

– Не надо, мэм, – сказала Ольга. Ее колотило. – Я в порядке.

– Тогда продолжим. Насколько можно судить по медицинским документам, касающимся твоего детства, до того случая ты никогда не страдала внезапными обмороками и не имела к этому никакой склонности. Известно, что обмороки у здоровых детей случаются, как правило, в результате перенесенной психической травмы. Плюс ослабленный иммунитет, это как пра-

вило. Очень возможно, что твоя краснуха и твои обмороки были следствием одного и того же события, которое... Тебе плохо?

– Н-нет, мэм...

– На, выпей воды. Так вот, нас интересует... извини, что я касаюсь данной темы, я понимаю, как тебе тяжело, но нас интересует то, что в августе сто шестьдесят третьего года столь сильно напугало тебя, девятилетнюю. – Евгения Зинаидовна понизила голос, глядела сочувственно, уместно вздыхала. – Поверь, нас интересует только это. Если тебе тяжело вспоминать, у нас есть специальные щадящие методы...

Зубы Ольги стучали о стакан.

– Что ты скажешь о беседе под гипнозом? Так тебе будет гораздо легче. Единственное, что требуется – твое согласие. Надеюсь, ты не подозреваешь меня в попытке выудить у тебя служебную информацию?

– Н-нет, мэм...

Надо было собраться. Надо было как следует разозлиться на себя, и Ольга начала злиться. Поставила стакан на стол, умудрившись не расплескать остатки воды. Эй, туловище, чего одеревенело? А вы, руки? А ну, прекратить дрожать! А вы, зубы, можете пока поскрипеть немного, это я вам разрешаю, а стучать – нет! Соберись, рохля, на тебя смотрят. Грудь колесом, хвост пистолетом. Во-от таким! Кремневым, седельным.

– Гипноз не нужен, мэм, – сумела сказать Ольга и решительно помотала головой. – Я готова рассказать.

– Так что же тебя напугало?

– Близ того места, мэм, был подготовительный интернат для эксменов. В перелеске возле его забора я собирала грибы... мама иногда отпускала меня одну. Однажды мне показалось... м-м... показалось, что один эксмен-подросток телепортировал сквозь ограду. – Ольгу чуть было вновь не начало трясти, но она справилась. – Я убежала. Все это звучит нелепо, я понимаю. Наверное, мне просто напекло голову, вот и померещилась такая жуть. А может, кто-то из поселковых девчонок просто-напросто устроил глупую шутку. Переодеться и подгримироваться ведь нетрудно...

– Разумные гипотезы, – улыбнулась Евгения Зинаидовна. – Ну и на какой из них ты остановила свой выбор?

То ли улыбка подействовала, то ли дружеский тон, но Ольга почувствовала себя увереннее.

– Затрудняюсь ответить, мэм. Ведь это было так давно. Страх свой помню, это точно. Какой-то совершенно дикий страх. Ведь я видела... то есть мне показалось, будто я видела то, чего никак не может быть. Ну примерно как если бы вдруг ожил древний динозавр, сам собой выкопался из земли и погнался за мной. Я прибежала домой и спряталась в шкаф. А потом начались эти обмороки... Обе гипотезы хороши, мэм. Они хоть что-то объясняют. Ведь не могло же на самом деле быть телепортирующего эксмена, уж это-то ясно...

Но вместо подтверждения данного бесспорного тезиса Ольга услышала:

– Он был старше тебя?

– Простите, кто, мэм?

– Тот, кого ты увидела, Наяву или только в своем воображении – сейчас это не слишком важно.

– Кажется, старше, мэм. Более рослый, это точно.

– Когда ты заметила его, он был за оградой?

– Я не знаю, он это был или она, – заартачилась Ольга.

– Он – это объект, – пояснила Евгения Зинаидовна. – Слово мужского рода. Никаких половых признаков я в нем не подразумеваю и ни на чем тебя не ловлю. Успокойся и соберись. Итак, в первый момент объект находился за оградой?

– Да, мэ.

– Ты слышала хлопок воздуха при телепортации?

– Да, мэ.

– А какие грибы ты собирала – помнишь?

– М-м... пожалуй не вспомню, какие в тот раз, мэ. Тем более что корзинку я потеряла. Но в тот год было много белых, лисичек и поддубней, это я помню.

– Отлично. Теперь постарайся припомнить, во что ты была одета.

– Наверное, в легкое платье и сандалии, мэ. Лето было с ливнями, но теплое. Как раз в сто шестьдесят третьем был рекордный урожай, потом еще в сводках много лет подряд все сравнивали с тем годом... Я потому и запомнила.

– У тебя хорошая память, – констатировала Евгения Зинаидовна. – Ну что ж, ты нам помогла, благодарю. А о моем предложении все-таки подумай. Ты сейчас к себе в Мытищи?

– Да, мэ. Разрешите идти?

– Счастливого пути. Советую сегодня не задерживаться в центре, поезжай домой сразу, лучше подземкой. Давай отмечу пропуск.

Как в стародавние времена, а может, и как в новые времена, но обязательно в аномальном месте, где то и дело невзначай всплывают реликты ушедших эпох и никто не удивляется этому, здесь сохранился ритуал проставлять начальственные автографы на бумажках с печатями. Как будто трудно было поставить нормальную систему и не черкать стилем по бумаге, а попросту послать с монитора команду папилятору на выходном контроле... Оно, конечно, все гениальное просто, но все простое – гениально ли?

Удивление Ольги длилось лишь мгновение. Ошарашенного человека трудно удивить всерьез.

Конечно, надо было просто уйти. Но, великолепно чувствуя, что сейчас ее непременно поставят на место, Ольга все же не сумела удержаться от вопроса:

– Простите мою назойливость, мэ... Могу ли я спросить, как вы узнали о... о том давнем случае?

Реплика Евгении Зинаидовны была преисполнена иронии:

– Спросить ты можешь, почему бы нет. Жаль, что на этот и некоторые другие вопросы я могла бы ответить только нашей сотруднице. Всего доброго.

Разумеется, ее поставили на место. Не грубым окриком – и на том спасибо.

7

Как только за Ольгой закрылась дверь, Евгения Зинаидовна потребовала себе кофе без сливок и сахара – она не помнила, которую чашку с начала рабочего дня, и не могла бы точно сказать, когда начался рабочий день. Минувшую ночь пришлось провести совсем без сна, да и в предыдущие две ночи удавалось поспать не более двух-трех часов здесь же, на диване. И конца-краю такому режиму работы не просматривалось.

Но какова гордычка!.. Евгения Зинаидовна снисходительно усмехнулась. Строго говоря, у нее не было бесспорных оснований предлагать Ольге Вострецовой службу в Департаменте – несмотря на свои спортивные успехи, девчонка показалась заурядной, даже туповатой. В данном случае полковник Фаустова решила действовать по наитию, а наитие подсказывало, что в один прекрасный момент Вострецова может оказаться полезнее здесь, под рукой. Для чего – трудно сказать. Наитие вообще явление иррациональное, логическому анализу не подлежит. Просто так уж получается, что в выигрыше оказываются те, кто знает цену интуиции и умеет правильно ею пользоваться.

Как ни удивительно, девчонка сказала «нет». Что ж, ее право. По большому счету это ничего кардинально не изменит, потому что уже завтра Ассамблея примет самое радикальное решение за все время ее существования. Давно пора объединить всех силовиков под единым началом, а те, кто сегодня думает иначе и готовится к словесным баталиям, завтра без баталий проголосуют «за» – может, и не в едином порыве, но в подавляющем большинстве. Сегодня им будет дан наглядный урок. Первоматерь Люси, каких же трудов стоило подгадать его именно к сегодняшнему дню, а не к вчерашнему и не к послезавтрашнему!..

Евгения Зинаидовна отхлебнула кофе. Поморщилась – горячий. И вкус уже не тот, да и запах не радует. После которой-по-счету чашки начинаешь ощущать уже не тонкие изыски аромата благородного напитка, а попросту периодически заливаешь в себя отраву, поддерживающую организм в работоспособном состоянии. Как метанол в бак мобиля. Залила – поехала... до следующей заправки.

Надо бы подойти к окну, взглянуть – как там, не началось ли уже? Нет, лень. Да и смотреть незачем: когда начнется, только глухая не услышит. Интересно, правильно ли девчонка поняла совет не слоняться сегодня по улицам? Жаль будет, если нарвется по-глупому. Строго говоря, такого рода советы суть не что иное, как раскрытие служебной информации, служебный проступок, если не хуже. А с другой стороны, без таких проступков работа не идет, а ползет, так что будь любезна рассчитывать оптимальный риск. Критерий же оценки всегда один – практический результат.

Но что такое завтрашнее решение Ассамблеи? Данный в руки инструмент, не более. Это не цель, это лишь карт-бланш для достижения цели. Что такое сделанное Ольге предложение? Попытка придвинуть поближе к себе мелкий винтик, может быть и не очень нужный. А что до практических результатов почти трехлетней работы, то с ними дело по-прежнему обстоит не очень. И пусть кое-что до сих пор относится к разряду невозможного – но и в возможном было понаделано предостаточно ошибок...

Пропал Тимофей Гаев, как его и не было. Со дня сражения на подступах к Ананке и гибели половины Четвертой эскадры прошло почти семь месяцев – а зачитанная до дыр распечатка «мемуаров» Гаева была случайно найдена при личном обыске эксмена, подозреваемого в связях с подпольем, всего-навсего два месяца назад! И искали-то совсем другое, а главное, ни одна из делавших обыск дур не смогла сразу понять, что обнаружена не обыкновенная писулька подрывного характера, не очередной злобный пасквиль, а нечто из ряда вон выходящее по своей значимости! Безвозвратно уткло еще несколько бесценных дней, пока, наконец, рукопись не попала к тем, кого она прямо касалась. В тот же день она была обнаружена в Сети

под издевательски-простым паролем. Немедленно поступила команда бросить дополнительные силы на поиски виртуального нелегала Войцеха Вокульского, продолжающиеся и поныне. Чему удивляться? Виртуальный мир обширнее, разнообразнее и сложнее мира настоящего, локализация искомого объекта требует времени, а время ушло...

Работнички! Как на словах, так хранители священных основ и искоренители скверны, а как дойдет до дела, так хоть лезь в петлю. Иной раз хочется выстроить головотяпов и тяпать их по головам чем потяжелее. Да и себя иной раз не мешало бы...

Первое, что приходило в голову при беглом знакомстве с текстом, – фальшивка. Но кто, кроме нее, полковника Фаустовой, а также полковника (ныне – генерал-поручика) Сивоконь и наглеца Тима Гаева, мог знать все детали неприятнейшей, унижительной сцены, разыгравшейся вот здесь, в этом самом кабинете? С какой стороны ни глянь, это был противозаконный сговор с эксменом. Ради высокой цели, разумеется. И начальство дало санкцию. Не в том дело. Дело в другом: подслушивание практически исключено, а значит – что? Значит, Тим Гаев не только выжил в операции «Эгида», но и неким малопонятным образом ухитрился передать свои записки – назовем их так – на Землю?

Если да, то этот документ надо рассматривать как ценнейший источник информации. По счастью, кое-что поддавалось проверке. Трое эксменов-пилотов из тех, что прикрывали Гаева в бою возле Ананке, а потом каким-то чудом сумели уцелеть в жутком побоище близ Цереры, были допрошены со всей тщательностью. Серьезных расхождений между их показаниями и текстом «мемуаров» в части, касающейся Ананке, не выявилось. В показаниях не было и стопроцентного совпадения деталей – наблюдалась нормальная дисперсия, какая бывает при отсутствии предварительного сговора. К сожалению, не удалось допросить остальных свидетелей – раненные эксмены, взятые на борт «Магдалены», и те, что эвакуировались с Ананке на «Незабудке», остались на Церере и, разумеется, погибли вместе с базой.

Кое-что добавила Марджори Венцель, пока что пониженная в чине до контр-адмирала и уволенная в отставку по беременности. О своей преступной связи с эксменом она рассказывала охотно, на известие о понижении в чине отреагировала смехом и вообще, по-видимому, махнула рукой на все, кроме эмбриона, созревающего во вздувшемся животе. Сопоставление выявило: Гаев не врал. Немного приукрашивал, немного хвастался, наивно пытаясь в своих записках выглядеть лучше, чем на самом деле, но не врал. Значит, не соврал и о том, что произошло с ним после того, как он в точном соответствии с планом операции телепортировал из боевой капсулы в недра чужого корабля?

Ничего не значит. Проверять и перепроверять!

Показания бывшей хозяйки шоу «Смертельная схватка». Соответствуют. Показания служащих того же шоу. Соответствуют. Оченьгодились бы показания товарищей Гаева по боям на ринге, а главное, по подпольной ячейке, и уж совсем желательно было бы снять показания с Льва Лашезина – увы, администрация трудового лагеря проморгала побег группы заключенных, теперь их ищи-свищи, если к настоящему моменту они вообще еще живы. Кто остается? Генерал-поручик Иоланта Сивоконь, заместитель Присциллы О'Нил по вопросам безопасности, не дожидаясь специального запроса, практически сразу по ознакомлении с текстом «мемуаров» кратко и очень сухо подтвердила истинность изложенных Гаевым фактов, касающихся контакта Гаева с ней. Евгения Зинаидовна очень хорошо представляла себе, каково было генерал-поручику сознаваться в том, что эксмен водил ее в уборную на поводке, будто зверушку какую! Чувство долга пересилило стыд. Что ж, так и должно быть. Пятно на репутации всегда меньший грех, чем низкая ложь во спасение репутации.

Евгения Зинаидовна помнила и то, как Гаев некогда ушел от нее самой. Если верить ему, он запаниковал. Но ей так не показалось. И ушел он грамотно.

Какой враг – заглядение! И какой инструмент в умелых руках!

Однако этот эксмен, по-видимому, в самом деле сумел проникнуть внутрь чужого корабля и не был сразу уничтожен. Более того, он в какой-то мере побудил живой корабль к сотрудничеству. И переданные им сведения совершенно бесценны!

Сегодняшняя беседа с этой гордячкой Ольгой Вострецовой была, пожалуй, завершающим аккордом проверки. Найти Вострецову удалось без особого труда, для этого оказалось достаточно поднять медицинские записи в четко локализованных временных и пространственных интервалах и выяснить, кто обращался к педиатру по поводу детского невроза, очень вероятного в описанных Гаевым обстоятельствах.

Итак, в мозаику лег последний кусочек смальты из тех, что удалось собрать, и не изменил общей картины. Главным же в ней было вот что: Тима Гаева не удалось поймать на лжи. Его записки могли быть провокацией, но их авторство не вызывало сомнений. Тщательное моделирование сражения при Ананке по показаниям уцелевших пилотов совпадало с «мемуарами» в главном и расходилось в деталях ровно настолько, насколько должны расходиться показания участников боя, выполнявших в нем разные задачи. На первый взгляд означать это могло только одно: Гаев действительно послал свои записки на Землю уже после сражения, находясь внутри чужого корабля и заведомо воспользовавшись его помощью. Правда, напрашивалось и иное предположение: Гаев нейтрализован, а корабль, сосканировав каким-то образом его память, послал информацию самостоятельно. Но с какой целью? Дезинформация? Сомнительно уже потому, что деза имеет смысл тогда, когда мощь противника сопоставима с твоей мощью. Стоит ли дезинформировать комара, прежде чем его прихлопнуть? И главное, последнее предположение решительно ни к чему не вело, в то время как принятие первого в качестве рабочей версии обещало многое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.